

18+

Я НЕ ОБЕЩАЮ ЖДАТЬ

ОЛЬГА МАРЕНСКАЯ

Ольга Маренская

Я не обещаю ждать

<https://litres.ru/74592124>

ISBN 9785007147989

Аннотация

«Я люблю тебя. И я больше не могу жить так, как мы живём сейчас».

Влад проезжает 550 километров ради женщины, которую выбрал сразу. Он хочет Аню целиком — с её телом, тремя детьми, работой и страхами. Но его любовь требует будущего, которого она боится.

Илья знает: её сердце всё ещё у Влада. И всё равно остаётся рядом.

Один ушёл, потому что не может ждать. Другой готов показать, какой может быть жизнь с ним. Но что, если любовь всей жизни — не тот мужчина, с которым можно прожить эту жизнь?

Содержание

Глава 1. Вживую	5
Глава 2. Освободить вечер	22
Глава 3. Рабочую часть закончили	42
Глава 4. По другую сторону объектива	69
Глава 5. Третий вызов	94
Глава 6. Не хочется отключаться	114
Глава 7. До утра	147
Глава 8. Ты не гостя	161
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Я не обещаю ждать

Ольга Маренская

© Ольга Маренская, 2026

ISBN 978-5-0071-4798-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вживую

В последний понедельник сентября Владислав Астахов увидел Анну Сафонову в тринадцатый раз.

За стеклянными дверями зала мокли афиши и липли к асфальту первые жёлтые листья. Внутри пахло пылью от кулис, горячими проводами и кофе, который техническая команда пила из бумажных стаканов с самого утра.

Восемь — маленькой фотографией рядом с выключенной камерой. Фотография была слишком красивой для рабочего профиля: тёплый свет, распущенные волосы, открытая улыбка и ни одного следа той усталости, которая иногда прорывалась у неё в голосе после девяти вечера.

Снимок был настоящим. Просто сделан давно.

Ещё четыре раза Анна включала камеру. Садилась чуть боком, ставила ноутбук выше обычного, поправляла свою нравную чёлку и всё равно первые несколько минут смотрела не на людей, а на собственное изображение в углу экрана. Очевидно, проверяла, не слишком ли близко наклонилась, не задрался ли ворот платья, не стало ли хуже освещение.

Владислав однажды поймал себя на том, что ждёт, появится ли сегодня её лицо вместо чёрного квадрата.

Ему не понравилось это ожидание.

Как не нравилось многое из того, что начало происходить примерно через три недели после их знакомства. Например,

привычка узнавать её среди десятка голосов ещё до того, как на экране загоралось имя. Или раздражение, если вопрос, обращённый к Анне, перехватывал кто-то другой. Или желание задержаться на созвоне, который давно перестал его касаться, потому что она смеялась над очередной катастрофой и объясняла дизайнеру, почему нельзя прислать клиенту презентацию, в которой фамилия председателя совета директоров написана тремя разными способами.

Она не заискивала. Не замолкала, когда говорил он. Не соглашалась из вежливости.

На второй встрече Анна сообщила ему, что его идея не будет работать.

На третьей — принесла другую.

На пятой он перестал приглашать на обсуждения собственного директора по маркетингу и начал спрашивать:

— Сафонова будет?

Сегодня она должна была наконец появиться перед ним не в прямоугольнике экрана.

Последние несколько лет Анна вообще не ездила на очные встречи. Андрей предлагал отправить её на форум, клиенты звали всю команду на генеральные прогоны, но она каждый раз находила разумную причину остаться дома: дорога съест рабочий день, на месте нужнее координатор, она эффективнее подключится из-за ноутбука.

Никто не запрещал ей ездить. Если бы Анна сама предложила, Андрей согласился бы без спора. Но на экране можно

было поднять ноутбук, выбрать свет и оставить в кадре лицо с плечами. В переговорной или зале её увидели бы целиком. Эту причину она не называла даже себе — просто первой находила пять других.

В этот раз разумные причины закончились. Накануне вечером координатор попал в больницу, второй менеджер уже вёл мероприятие в другом городе, а клиент заявил, что без Анны не станет проводить закрытую встречу: только она знала все версии материалов, договорённости со спикерами и то, что подрядчики снова обещали сделать «к утру».

Андрей позвонил ей в девять вечера и сказал:

— Ань, больше некому.

К десяти вещи были собраны. Анна поставила будильник на четыре и легла: дорога всё равно съест утро, но выезжать после бессонной ночи она не собиралась.

Когда будильник прозвенел, ноутбук уже лежал в машине, а маршрут был сохранён в навигаторе. Заменить её было нечем, и мероприятие действительно не могло состояться без неё.

К полудню в общем чате уже успели появиться её короткие сообщения: сцена собрана, экраны проверены, два спикера поменялись местами, подрядчик по свету нашёлся, хотя час назад утверждал, что находится в другом городе.

Владислав вошёл в зал за двадцать минут до закрытой репетиции и остановился сразу за дверью.

Он сначала услышал её.

— Нет, весь ролик мы сейчас переделывать не будем. Вы уберёте первые семь секунд, замените финальный кадр и пришлёте мне файл без музыки. С музыкой тоже пришлёте, но отдельно.

Кто-то попытался возразить.

— Потому что у нас нет прав на эту композицию, — терпеливо объяснила Анна. — И если ещё один человек скажет мне, что её можно скачать из интернета, я начну отнимать у вас ноутбуки.

Она сидела на краю сцены спиной к нему. Фуксия.

Первым он почему-то увидел именно цвет. Яркий, глубокий, совершенно не похожий на тёмные платья, которые попадали в кадр на созвонах. Потом — мягкие волосы чуть ниже плеч, собранные на затылке и уже успевшие растрепаться. Чёлка упала набок. Анна раздражённо сдула её и снова уткнулась в ноутбук, лежавший на коленях.

Платье не прятало её.

Узкий лиф охватывал полную грудь, ткань сходилась на талии мягкими диагональными складками и дальше свободнее ложилась на живот и широкие бёдра. Не мешок, призванный убедить окружающих, что тела под ним нет. Настоящее красивое платье на настоящей женщине.

На ногах у неё были белые мягкие кроссовки, совершенно не спорившие с платьем. Рядом стояла небольшая сумка, из которой торчали зарядки, запасной переходник и край бумажной папки. Всё, что могло понадобиться мероприятию,

Анна, судя по всему, привезла с собой.

Она была крупнее, чем он представлял.

И намного привлекательнее.

Владислав не сразу понял, что так и стоит возле двери, рассматривая линию её спины, полные руки и тяжёлые ноги. Не оценивал, не сравнивал с фотографией. Просто смотрел слишком долго для человека, который привык замечать подобное за секунду и идти дальше.

Анна что-то быстро напечатала, захлопнула ноутбук, поставила его рядом и поднялась. Не сразу: сначала оперлась ладонью о край сцены, перенесла вес на одну ногу и лишь потом выпрямилась.

Владислав отметил движение, но не успел понять, почему оно его насторожило.

Она повернулась.

Узнала его сразу.

А потом замерла.

Всего на мгновение. Улыбка осталась на месте, но пальцы свободной руки потянулись к складке на животе и разгладили ткань. Следом Анна чуть развернулась боком — привычно, как перед камерой, пытаясь занимать меньше места.

Ей не пришло в голову, что это он сейчас не вполне справился с собственным лицом.

— Владислав, — произнесла она и, будто ей самой стало неловко от возникшей паузы, добавила: — Наконец-то не по пояс.

Он медленно подошёл ближе.

Теперь он мог рассмотреть серо-зелёные глаза, морщинки возле них, несколько рыжеватых прядей, выбившихся у виска. Мог увидеть, что камера действительно выбирала для неё более удачный ракурс.

Вживую всё было лучше.

— Вы выше, — сказала она.

— Вы ярче.

Она опустила взгляд на платье.

— Камера съедает цвет.

— Не только цвет.

Анна снова посмотрела на него.

Она была умной женщиной. Смысл поняла сразу — и тут же решила не верить.

— Если это была попытка сделать комплимент, вы выбрали довольно сложную конструкцию.

— Я не пытался.

— Даже не знаю, обижаться мне сейчас или радоваться.

— Можете пока ничего не решать.

Он протянул руку за ноутбуком.

Анна тут же взяла его сама и прижала к себе.

— Зачем?

— Он тяжёлый.

— Я донесла его от машины.

— Я не сомневался.

Она ждала продолжения. Владислав тоже ничего больше

не сказал. Не убрал протянутую руку.

Она посмотрела на неё, потом ему в лицо.

Вблизи глаза у него оказались светлее, чем через экран. Серо-голубые, с тёмным ободком. Холодные русые волосы были зачёсаны назад, но одна прядь упала на лоб. Не короткая. Такая, которую можно было бы поправить пальцами.

Анна рассердилась на себя за неуместную мысль и чуть резче, чем собиралась, вложила ноутбук ему в руку.

— Только не уроните. Там последние два месяца моей жизни.

— Тогда вам особенно не стоит носить их одной рукой.

Он легко перехватил ноутбук. Рукав пиджака немного сдвинулся, открывая ремешок часов и широкое запястье. Щетина у него тоже оказалась светлее, чем виделось на экране, — русая, густая, с сединой возле подбородка.

Анна отвела взгляд.

— Вы собираетесь так и стоять с моим ноутбуком?

— Пока не скажете, куда его отнести.

— На стол возле сцены.

Он пошёл рядом с ней. Не впереди и не следом, хотя ему пришлось подстроиться под её короткие шаги.

У сцены их уже ждали сразу трое. Следующие полтора часа Анна почти не замечала его. Она успевала одновременно отвечать в двух чатах, слушать технического директора, менять порядок выступлений и успокаивать женщину, которая только сейчас обнаружила, что её доклад сократили с сорока

минут до двадцати.

Владислав не вмешивался.

Он вообще не любил суету, особенно ту, которую люди создавали, чтобы выглядеть занятыми. У Анны суеты не было. Она двигалась быстро, говорила ещё быстрее, иногда резко, но каждое её действие что-то меняло. Возле неё переставали спорить, находили потерянные файлы и наконец принимали решения.

Она садилась везде, где выдавалась хотя бы минута: на край сцены, в первое кресло, однажды — на широкий подлокотник дивана. Но стоило кому-то позвать, сразу поднималась. На третий раз Владислав заметил, как она на секунду задерживает дыхание, прежде чем сделать первые шаги. На четвёртый — что, добравшись до нужного места, она незаметно опирается ладонью о стол.

Через час кто-то принёс кофе. Анна сделала глоток, поставила стакан на край стола и забыла о нём.

Через полтора она в очередной раз опустилась в кресло и закрыла глаза ровно на две секунды.

Владислав вышел из зала.

Когда он вернулся, Анна снова стояла возле сцены. Перед ней говорили сразу двое, третий пытался привлечь внимание, размахивая телефоном. Она подняла ладонь, остановила всех и по очереди раздала решения.

— Аня.

Она показала ему один палец, не отрывая телефона от уха.

— Одну минуту.

Владислав дождался, пока она закончит разговор, и молча указал на свободное кресло.

— Я и так сейчас сяду.

— Сейчас — это когда?

— Когда закончу.

— Вы закончили.

Она посмотрела на троих вокруг. Видимо, выражение лица Владислава оказалось убедительнее её желания продолжить, потому что все трое внезапно вспомнили о других делах.

Она опустилась в кресло.

Он поставил перед ней тарелку с сэндвичем и бутылку воды.

— Поешьте.

Анна перевела взгляд с тарелки на него.

— Спасибо, я не голодная.

— Я не спрашивал.

Вот теперь он увидел её полностью — не фигуру, а саму Анну. Ту, которая могла улыбаться клиенту, уговаривать спикера и быть бесконечно терпеливой с испуганным стажёром. Но стоило кому-то попытаться распорядиться ею самой, в серо-зелёных глазах вспыхивало чистое возмущение.

— Вы всегда так разговариваете с едва знакомыми женщинами?

— Только с теми, которые с восьми утра ничего не ели.

— Я ела.

— Что?

Она на мгновение задумалась.

— Не помню.

— Значит, не считается.

— Владислав, у меня репетиция через семь минут.

— У вас есть шесть, чтобы поесть.

Анна оглянулась, будто надеялась найти среди окружающих хоть одного человека, готового объяснить ему, что он ведёт себя ненормально. Все оказались очень заняты.

— А если не буду?

Владислав сел в соседнее кресло, взял с тарелки сэндвич и развернулся к ней.

— Тогда буду кормить.

Она рассмеялась. Громко, устало, с той самой хрипотцой, которая появлялась в её голосе по вечерам.

Он не улыбнулся.

Смех оборвался.

— Вы же не серьёзно?

Владислав поднёс сэндвич к её губам.

Она посмотрела сначала на него, потом на еду.

— Вы невозможный человек.

— Это не мешает вам открыть рот.

Она всё-таки откусила. Тут же забрала сэндвич из его руки и отодвинулась вместе с креслом, насколько позволял ковёр.

— Всё. Дальше сама.

— Ладно.

Он не стал превращать это в победу. Просто сидел рядом, пока она ела, медленно и сердито, продолжая глазами следить за сценой.

Ему хотелось убрать прядь, прилипшую к её щеке. Хотелось коснуться шеи там, где из-под поднятых волос виднелась светлая кожа. Хотелось узнать, как её тело отзовётся, если положить ладонь на талию поверх яркой ткани.

Ни одно из этих желаний не было осторожным.

Владислав соединил пальцы и положил руки на колени.

— Довольны? — спросила она, доев половину.

— Пока нет.

Она едва не поперхнулась.

Он открутил крышку на бутылке и подал ей воду.

— Не льстите себе. Я про сэндвич.

— Разумеется.

Но щёки у неё стали розовыми.

* * *

Последний человек покинул зал в одиннадцать двадцать.

Она закрыла ноутбук и несколько секунд сидела неподвижно, положив на него обе ладони. После яркого света, музыки и голосов наступившая тишина казалась почти звенящей.

— Всё, — сказала она себе. — Теперь только доехать.

— Куда?

Анна вздрогнула и обернулась.

Владислав сидел в кресле у стены без пиджака, с расстёгнутой верхней пуговицей рубашки. Светлые волосы окончательно потеряли порядок. Он провёл по ним рукой, откидывая назад упавшие пряди, и Анна слишком внимательно проследила за этим движением.

— Вы почему ещё здесь?

— Ждал, когда вы закончите.

— Зачем?

— Хотел узнать, куда вы собрались ехать в половине двенадцатого.

Она начала складывать провода в сумку.

— Домой.

— Это я понял. Сколько?

— Что — сколько?

— Километров.

— Около пятисот пятидесяти.

Он посмотрел на неё так, будто она ответила неправильно.

— Я доеду.

— Нет.

Анна устало выдохнула.

— Владислав, я сегодня не в том состоянии, чтобы выдерживать ещё один ваш сэндвич.

— Сэндвича не будет. Вы останетесь в гостинице.

— Не останусь. Утром мне нужно быть дома.

— Во сколько?

— Чем раньше, тем лучше.

— Хорошо. В семь вас отвезут.

Она перестала укладывать зарядку.

— Кто?

— Водитель.

— А машина?

— Её пригонят следом.

Анна несколько секунд смотрела на него, пытаясь понять, когда именно он успел всё это придумать.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я приехала на своей машине и на ней же уеду.

— Не сегодня.

— Это вы сейчас за меня решили?

— Да.

Владислав сказал это совершенно спокойно. Не с нажимом, не повышая голоса, будто речь шла о вещи настолько очевидной, что спорить можно было только от усталости.

Анна выпрямилась в кресле.

— Мы виделись вживую первый день.

— До сегодняшнего дня вы считали знакомство через экран недействительным?

— Не передёргивайте.

— Тогда мы знакомы два месяца. И за это время я успел заметить, что вы считаете нормальным работать до ночи, за-

бывать про еду и решать проблемы всех людей, которые сумели найти ваш номер. Сегодня вы проехали пятьсот пятьдесят километров, отработали почти двенадцать часов и с трудом доходите от кресла до сцены. За руль вы не сядете.

— Я ездила и больше.

— Верю.

— Я могу.

— Даже не сомневаюсь.

Он поднялся.

Пиджак остался на кресле. Без него Владислав казался ещё больше: широкие плечи, тяжёлая грудь, закатанные до локтей рукава. Анна тоже встала, но слишком резко. Перед глазами на мгновение потемнело. Она ухватила за спинку кресла и сделала вид, что просто поправляет сумку.

Владислав оказался рядом прежде, чем зрение вернулось полностью. Не схватил, только положил ладонь ей на локоть, готовый подхватить, если она снова пошатнётся.

— Уберите руку, — тихо сказала она.

Он убрал сразу.

От этой осторожности стало только хуже. Там, где были его пальцы, осталось тепло.

— Вы можете очень многое, Анна, — сказал Владислав.

— Я уже понял. Только сегодня вам не придётся.

Ей нужно было продолжать спорить. Напомнить, что он не её начальник, не муж и вообще никто, кому она обязана отдавать ключи от своей машины. Но от слов «не придётся»

внутри вдруг стало так тихо, что Анна испугалась сильнее, чем его уверенности.

— Я не просила обо мне заботиться.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Владислав посмотрел на её лицо. На усталые глаза, растрепавшуюся чёлку, слишком крепко сжатые губы. Потом медленно перевёл взгляд на руку, которой она держала сумку.

— Потому что вы не попросите.

— Это не даёт вам права решать.

— Не даёт.

Он согласился слишком легко, и Анна растерялась.

Владислав протянул ладонь.

— Ключи.

Анна крепче сжала ремень сумки.

— Если вам действительно необходимо оказаться дома ночью, скажите, — продолжил он. — Я найду способ отвезти вас сейчас. Но самой за руль я вас не пущу.

— А если я всё равно поеду?

Его взгляд стал холоднее.

— Не поедете.

— Почему вы так уверены?

— Потому что уже понимаете, что я прав. А спорите сейчас не со мной.

Анна молчала.

Ключи лежали во внешнем кармане сумки. Она чувство-

вала их пальцами сквозь ткань. Можно было развернуться, уйти, сесть в машину и доказать ему, что никто не распоряжается её жизнью.

Она умела доказывать.

Двадцать лет только этим и занималась.

— Номер уже оплачен? — спросила она.

— Да.

— Компанией?

Он помедлил.

— Мной.

— Владислав...

— Можете завтра вернуть мне деньги, если это поможет вам уснуть. Но сегодня вы ляжете в кровать, а не будете шесть часов смотреть на трассу.

Она закрыла глаза.

Потом достала ключи и положила ему на ладонь.

Его пальцы сомкнулись не сразу. Он на секунду задержал её руку в своей — тёплую, мягкую, с дрогнувшими пальцами.

Владислав посмотрел ей в глаза.

— Вот и всё.

— Ничего не всё. Утром я с вами ещё поспорю.

— Утром можно.

Он забрал сумку с ноутбуком прежде, чем она успела возразить, перекинул через плечо и взял свой пиджак.

— Пойдёмте.

Анна осталась на месте.

— Куда теперь?

— Спать.

— А вы?

Владислав оглянулся. Русая прядь опять упала ему на лоб, и ей снова захотелось протянуть руку. На этот раз настолько сильно, что пришлось сжать пальцы.

— Провожу вас до номера.

— Я не потеряюсь.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Он несколько секунд смотрел на неё. Без улыбки, без привычной жёсткости. Так прямо, что Анна перестала чувствовать усталость.

— Потому что хочу ещё немного на вас посмотреть.

Она не нашлась с ответом.

А Владислав повернулся и пошёл к лифтам, нисколько не сомневаясь, что она последует за ним.

После всего одного дня рядом с ним Анна впервые не разозлилась на эту уверенность.

Ей стало спокойно.

Глава 2. Освободить вечер

Анна проснулась в шесть сорок семь — за три минуты до времени, в которое собиралась встать.

Будильник она не ставила. Никогда не ставила, если утром действительно нужно было подняться: сколько бы ни спала и как бы тяжело ни было, в нужный час глаза открывались сами.

Первые несколько секунд она не понимала, где находится.

Потолок был слишком белым. Шторы — слишком плотными. Подушка пахла не её шампунем, не домом и вообще ничем, кроме гостиничной чистоты. Телефон лежал на соседней половине кровати экраном вниз, а платье цвета фуксии — на кресле, куда она бросила его ночью, едва сумев расстегнуть молнию на спине.

Потом вернулось всё сразу.

Зал. Репетиция. Владислав. Ключи на его ладони.

Слова о том, что он хочет ещё немного на неё посмотреть.

Анна накрыла лицо обеими руками и простонала.

Она не помнила, как он довёл её до номера. То есть помнила, конечно. Помнила широкую ладонь на двери лифта, пока она проходила внутрь. Помнила, как он поставил сумку на тумбу и остался в коридоре, не сделав даже половины шага за порог. Помнила его взгляд на своих ногах, когда ей понадобилось опереться о стену, чтобы снять кроссовки.

И особенно хорошо помнила последнюю минуту.

— Заприте дверь, — сказал Владислав.

— Я умею запирать двери.

— Не сомневаюсь.

— Вы вообще когда-нибудь сомневаетесь?

Он опёрся плечом о косяк. Без пиджака, с её нелепой сумкой от ноутбука всё ещё на плече, он выглядел не как владелец огромной компании, а как мужчина, который случайно оказался слишком близко поздним вечером.

— В последнее время — чаще, чем мне нравится.

— И в чём же?

Владислав посмотрел на неё так, что Анна сразу пожалела о вопросе.

— Например, в том, стоит ли сейчас уходить.

Она перестала дышать.

Он оттолкнулся от косяка, поставил сумку внутри номера и выпрямился, снова оставив между ними безопасный шаг.

— Спокойной ночи, Анна.

Дверь она действительно заперла. Потом ещё зачем-то проверила ручку и прислонилась к дереву спиной.

А теперь было утро, и на телефоне обнаружили одиннадцать сообщений по работе и два — от Владислава.

Первое пришло в шесть тридцать одну.

«Въезд перенёс на девять тридцать. Вам нужно поспать хотя бы ещё час».

Второе — шесть минут назад.

«Ваша сумка с вещами у двери. Я не заходил».

Анна села слишком быстро. Комната качнулась, в ушах на секунду зашумело. Она переждала и только потом дошла до двери.

За ней действительно стояла небольшая старая сумка с поцарапанной металлической молнией. Перед выездом Соня, старшая дочь, сама сунула туда запасное платье, бельё, зарядку и косметичку. Анна тогда сказала, что едет на один день, и едва не выложила всё обратно. Соня ответила, что пятьсот пятьдесят километров не становятся короче от уверенности матери, и застегнула сумку.

Владислав, следовательно, не только распорядился её машиной, но и велел кому-то открыть багажник.

Она написала:

«Ключи от машины вообще-то не означают доступ ко всему моему имуществу».

Ответ появился прежде, чем Анна успела отложить телефон.

«Согласен. Можете подать на меня в суд после завтрака».

«Я уеду без завтрака».

Три точки возникли и пропали. Потом снова возникли.

«Нет».

Анна смотрела на короткое слово и чувствовала, как против воли поднимаются уголки губ.

«В восемь двадцать в ресторане, — пришло следом. — У вас час тридцать три минуты».

Она всё-таки рассмеялась. Поставила телефон на беззвучный режим, легла поверх одеяла всего на десять минут и проснулась в семь пятьдесят восемь — впервые не в то время, которое сама себе назначила.

* * *

Запасное платье было бежевым, мягким, с запахом и широким поясом. После вчерашней фуксии оно казалось почти незаметным и почти не помялось в сумке. Анна расчесала волосы, протёрла белые кроссовки гостиничным полотенцем, высушила феном мокрую прядь у виска и спустилась на первый этаж в восемь тридцать три.

Владислав ждал её за столом возле окна.

На нём были светлая рубашка, тёмные брюки и те же часы на левой руке. Волосы ещё сохраняли влажный блеск и лежали свободнее, чем вчера. От него пахло кофе, чистой кожей и сухой древесиной. Щетина делала его лицо жёстче, но серо-голубые глаза при виде неё неожиданно потеплели.

Он поднялся.

Не обозначил движение, как делают вежливые мужчины в ресторанах, а действительно встал во весь свой огромный рост и отодвинул для неё кресло.

— Вы опоздали на тринадцать минут.

— Я вообще не собиралась приходить.

— Поэтому прощаю.

Анна дошла до стола, положила телефон рядом с прибором и села. Владислав придвинул кресло осторожно, не кос-

нувшись её спины, но она всё равно почувствовала тепло большого тела совсем рядом.

— Доброе утро, — сказал он, возвращаясь на своё место.

— Оно станет добрым, когда вы вернёте ключи.

Владислав вынул их из кармана и положил рядом с её телефоном.

Анна не ожидала, что он отдаст так просто.

— И всё?

— А что ещё должно произойти?

— Не знаю. Вы производите впечатление человека, который сначала заставит меня съесть кашу.

— Кашу не обязательно.

Он подвинул к ней меню.

— Выбирайте.

— Я выпью кофе.

— И?

— Владислав.

— Аня.

Они посмотрели друг на друга поверх меню. Он не улыбался, но возле глаз появились едва заметные складки. Анна первой опустила взгляд.

— Омлет, — сдалась она. — И кофе.

— Закажем.

— Вы сейчас довольны так, будто сами его приготовили.

— Я редко трачу время на то, что не собираюсь довести до результата.

Официант принял заказ. Владислав попросил принести кофе сразу, а Анне — ещё воду без газа. Она хотела спросить, почему он вообще сидит в гостиничном ресторане в то время, когда наверняка мог завтракать в месте получше, но телефон завибрировал.

На экране высветилось имя Андрея, директора её агентства.

Анна ответила.

— Да, уже проснулась... Нет, репетицию закончили... Потому что было поздно... Андрей, всё нормально, я сама решила остаться.

Владислав чуть поднял бровь.

Она отвернулась к окну.

— Материалы отправлю из машины. Да. Нет, сегодня меня не будет, я же говорила... Хорошо, на связи.

— Астахов ещё там? — спросил Андрей.

Аня покосилась на мужчину напротив. Владислав спокойно пил кофе, не пытаясь по её лицу угадать вторую половину разговора.

— Он вчера был на мероприятии.

— Я заметил. Поэтому и спрашиваю.

— Это проект его холдинга.

— Ань, я работаю с этим холдингом семь лет. Лично познакомился с Астаховым только потому, что сам приехал в Москву обсуждать продление контракта. В наш офис он не приезжал ни разу. На наши проекты — тоже. Обычно мы ви-

дим Ирину, директоров направлений и проектный офис.

— Вчера была генеральная репетиция.

— Для нас — большая. Для него — одна из десятков встреч, на которые есть кому приехать без владельца. Ты за два месяца видела Астахова чаще, чем я за семь лет. И сейчас он всё ещё рядом?

— Андрей, я перезвоню из машины.

Она закончила разговор и положила телефон экраном вниз.

— Сами решили? — повторил Владислав.

— Не начинайте.

— Не буду. Мне понравилась формулировка.

Аня несколько секунд смотрела на него. До этой минуты «владелец холдинга» оставалось таким же отвлечённым определением, как должность в подписи под письмом. Теперь масштаб вдруг получил человеческую меру: Андрей проехал пятьсот пятьдесят километров, чтобы один раз лично поговорить с Владиславом, а сам Владислав вчера весь день оставался возле Ани, поздно ужинал с ней, забрал ключи и сейчас ждал, пока она съест омлет.

— Андрей говорит, вы раньше ни разу не приезжали к нам по проектам.

— Не приезжал.

— Даже на самые крупные?

— Для этого есть люди, которые ими управляют.

— А вчера они внезапно исчезли?

— Нет.

— Тогда зачем вы приехали сами?

Владислав поставил чашку.

— Потому что там были вы.

Она не сразу нашла следующий безопасный вопрос.

— Моему руководителю не обязательно знать, что владелец партнёрской компании отобрал у меня ключи.

— Почему?

— Потому что завтра об этом будет знать весь офис, а послезавтра кто-нибудь решит, что я получила проект не за профессиональные качества.

Он перестал улыбаться.

— Кто-нибудь уже давал вам основания так думать?

Он спросил спокойно, но голос уже обрёл ту плотную холодность, которую Анна слышала на созвонах, когда Владиславу приносили неверные цифры.

— Мне сорок лет. Я давно не жду оснований.

— Это не ответ.

— А это не вопрос.

Официант принёс кофе, избавив её от необходимости продолжать. Анна обхватила чашку ладонями. Владислав не давил, но и не отводил взгляд.

— Я работаю с Андреем семь лет, — сказала она наконец. — Он неплохой руководитель. Просто некоторые вещи устроены одинаково почти везде. Если женщина тянет сложный проект, значит, она исполнительная. Если мужчина вы-

ходит с итоговой презентацией — значит, он умеет видеть картину целиком.

— Кто будет представлять проект совету через две недели?

Анна сделала глоток.

— Андрей.

— А ведёте его вы.

— Ведёт команда.

— Руководите вы.

— Это моя работа.

Владислав откинулся на спинку кресла.

— Понятно.

Ей не понравилось, как он это сказал.

— Ничего вам не понятно. И, пожалуйста, не надо сейчас никого увольнять, покупать или ставить на место.

— Андрей не мой сотрудник. Уволить его будет затруднительно.

— А остальное?

— Пока думаю.

Она закрыла глаза.

— Вот поэтому я и не хотела рассказывать.

— Вы не рассказывали. Я спросил, вы ответили.

— Какая удобная разница.

— Существенная.

Принесли омлет. Анна отрезала кусочек скорее для того, чтобы занять рот и не спорить. Владислав наконец взялся за

собственный кофе.

Несколько минут они молчали. Ресторан постепенно заполнялся: звенели приборы, за соседним столом ребёнок уговаривал мать разрешить ему второй круассан, возле входа кто-то громко обсуждал поезд до Петербурга. На этом обычном утреннем фоне их завтрак почему-то казался ещё более личным.

— Вы вчера несколько раз едва дошли от сцены до кресла,
— сказал Владислав.

Анна медленно положила вилку.

— Вы всё замечаете?

— Почти.

— Это не очень приятное качество.

— Вам тяжело дышать или болят ноги?

— Владислав...

— Я не собираюсь ставить диагноз. Хочу понять, насколько безумной была ваша поездка за рулём.

Она посмотрела в окно. У входа водитель укладывал чемоданы в багажник чёрной машины. Молодая женщина стояла рядом, держа за руку сонного мальчика. Очень хотелось перевести разговор, пошутить, разозлиться — сделать что угодно, лишь бы не объяснять собственную слабость мужчине, рядом с которым ей особенно не хотелось быть слабой.

— У меня анемия, — произнесла она. — Давно. Сейчас сильнее обычного.

— Насколько сильнее?

— Достаточно.

Он ждал.

— Гемоглобин около семидесяти, — выговорила она тише. — Был ниже. Я лечусь.

Владислав не изменился в лице. Только пальцы на чашке сжались так, что побелели костяшки.

— И с таким гемоглобином вы вчера проехали пятьсот пятьдесят километров?

— Если вы сейчас скажете, что это безответственно, я уйду.

— Не скажу.

Анна настороженно посмотрела на него.

— Почему?

— Потому что вы знаете. И наверняка уже объяснили себе, почему в этот раз было необходимо.

Он произнёс это без снисхождения. Не «бедная женщина опять себя не бережёт», не «надо было попросить мужчину». Просто увидел решение, с которым не согласен, и признал, что оно было принято до него.

Анна снова взяла вилку.

— Больше было некому приехать. Без меня вчера мероприятие бы сорвалось.

— Вероятно.

— Вы могли бы хотя бы из вежливости возразить.

— Я видел зал до и после вашего приезда.

Она отрезала ещё кусочек омлета. Глаза вдруг защипало

— совершенно не к месту, от усталости, недосыпа, чего угодно. Анна моргнула и сосредоточилась на тарелке.

— Что назначил врач? — спросил Владислав.

— Капельницы железа. Я начала.

— Когда следующая?

— На неделе.

— Договорились.

— И вы не будете звонить в клинику, искать другого врача и составлять мне расписание?

— Нет.

Она подняла на него глаза.

— Правда?

— Это ваше лечение. Если понадобится помощь, скажете.

— Я же не скажу. Вы сами вчера установили.

Владислав чуть наклонился над столом.

— Тогда мне придётся учиться отличать, где вы справляетесь, а где просто привыкли не оставлять себе другого выхода.

Анна стиснула чашку и только через несколько секунд заметила, что кофе в ней давно закончился.

— Мы знакомы два месяца, — напомнила она.

— Вы уже говорили.

— И один день вживую.

— Тоже помню.

— Тогда почему разговариваете так, будто собираетесь присутствовать при всех моих дальнейших капельницах?

— При всех не обещаю.

Он произнёс это совершенно серьёзно.

Анна не выдержала и улыбнулась.

— Вы всё-таки ненормальный.

— Возможно.

— И почему-то совсем этого не скрываете.

— Перед вами уже поздно.

Официант предложил ещё кофе. Анна отказалась, Владислав попросил счёт. Она сразу достала телефон.

— Сколько я должна за номер?

— Нисколько.

— Мы это обсуждали.

— Нет. Вы сказали, что утром поспорите.

— Я спорю.

— Я заметил.

— Пришлите сумму.

— Нет.

Она открыла банковское приложение.

— Тогда я найду стоимость на сайте и переведу примерно.

— Вы не знаете точную сумму.

— Я умею считать. Сейчас банки тоже умеют удивительные вещи.

— Перевод вернётся.

— Я отправлю ещё раз.

— Я тоже.

Она посмотрела на него и вдруг представила этот абсурд:

двое взрослых людей весь день пересылают друг другу стоимость гостиничного номера, потому что ни один не готов отступить.

— У вас много свободного времени?

— Нет. Но на это найду.

— Почему вам так важно заплатить?

Владислав некоторое время молчал. Потом положил руку на стол ладонью вверх — не касаясь её, просто оставляя между ними это большое открытое пространство.

— Потому что вы остались ради моего спокойствия. Было бы странно ещё и выставить вам счёт.

— Я осталась не ради вашего спокойствия.

— Конечно.

— Я просто поняла, что устала.

— Разумеется.

Он соглашался так невозмутимо, что спорить становилось невозможно.

Анна убрала телефон.

— Я всё равно что-нибудь придумаю.

— Не сомневаюсь.

— Вы повторяетесь.

— С вами приходится.

Они вышли из ресторана вместе. До стеклянных дверей было не больше тридцати шагов, но к середине холла Анне пришлось замедлиться: ноги налились тяжестью, дыхание стало короче. Владислав не спросил и не предложил руку.

Только сразу пошёл в её темпе.

У входа ждали две машины. В первой водитель уже открыл заднюю дверь. Вторая оказалась её собственной — запylённой после дороги, с подушкой на пассажирском сиденье и бумажным стаканчиком, оставленным в подстаканнике.

— Кто поведёт мою? — спросила она.

— Алексей. Он ездит со мной восемь лет.

Мужчина у её машины кивнул.

— А кто поведёт эту?

— Михаил.

— И потом оба поедут обратно за пятьсот пятьдесят километров?

— Вернутся вместе. Михаил ведёт мою машину, Алексей

— вашу. После того как доставят вас домой, переседадут в одну.

— Это совершенно ненормальные расходы.

— Аня.

— Что?

— Сядьте в машину.

Она хотела возмутиться, но ноги уже дрожали. Пришлось опереться рукой о край двери. Владислав стоял так близко, что мог бы подхватить её в любую секунду, однако не касался, пока она сама не потеряла равновесие на мокрой плитке.

Его ладонь легла ей на бок.

Не на локоть и не на плечо — на мягкую линию талии по-

верх бежевого платья. Пальцы широко легли на бок; Владислав не избегал мягкости и не делал вид, что касается только затем, чтобы она не упала.

Анна выпрямилась слишком быстро.

Владислав не убрал руку сразу.

Они стояли лицом друг к другу, почти вплотную. Щетина была совсем рядом. Светлые волосы снова упали ему на лоб. Анна чувствовала ладонь на своём боку и впервые за много лет не пыталась втянуть живот.

— Напишите, когда доедете, — сказал он.

Голос стал ниже.

— Вам водитель сообщит.

— Мне вы напишите.

— Зачем?

— Хочу увидеть сообщение от вас.

Его пальцы чуть сжались, прежде чем отпустить.

Она села в машину.

— До свидания, Владислав.

— До скорого, Анна.

— У нас следующий общий созвон в четверг.

— Я помню.

Он закрыл дверь.

Только когда машина выехала с гостиничной парковки, Аня поняла: он сказал не «услышимся».

До скорого.

* * *

Дорогу она почти всю проспала.

Просыпалась от звонков, отвечала, делала пометки в телефоне и снова проваливалась в сон, положив голову на мягкий подголовник. Один раз Михаил остановился у придорожного кафе и принёс ей суп, потому что «Владислав Сергеевич просил нормально накормить». Анна написала Владиславу длинное возмущённое сообщение, перечитала и стёрла.

Суп всё-таки съела.

Домой они приехали после четырёх. Её машина остановилась следом. Алексей вынул обе сумки, поставил у подъезда и отказался от денег так вежливо, что Анне стало ясно: приказ на этот случай он тоже получил заранее. Через минуту оба водителя уехали на чёрной машине Влада.

Она дошла до квартиры, открыла дверь и оказалась внутри привычного шума. Из комнаты кричали, что зарядка снова пропала. На кухне что-то шипело. Соня выглянула в коридор, сказала: «Мам, ты уже?» — и, не дожидаясь ответа, забрала сумку с ноутбуком.

Анна сняла кроссовки, прислонилась затылком к двери и только тогда достала телефон.

«Дома», — написала она.

Ответ пришёл сразу.

«Хорошо».

Через несколько секунд добавилось:

«Теперь спать».

Она посмотрела на часы.

«Сейчас половина пятого».

«Это не мешает».

«У меня трое детей и сорок два непрочитанных сообщения».

В этот раз он отвечал дольше.

«Трое?»

Она почему-то улыбнулась.

«Да. Вы уже передумали хотеть увидеть от меня сообщение?»

Три точки появились мгновенно.

«Нет. Теперь хочу ещё одно».

«Какое?»

«Когда проснётесь».

Она перечитала фразу дважды. Потом положила телефон экраном вниз и сказала дочери, что действительно ляжет на час.

Впервые за долгое время она уснула днём без чувства, что крадёт время у собственной жизни.

* * *

Владислав получил её второе сообщение в шесть ноль восемь.

«Проснулась сама. И нет, я не признаю, что вы были правы».

Он сидел в кабинете над документами, которые не читал последние пять минут. На экране ноутбука всё ещё была от-

крыта рабочая переписка, а рядом лежал телефон с фотографией Анны в профиле — слишком красивой, слишком давней и теперь совсем не похожей на женщину, которую он помнил.

Настоящая Анна двигалась осторожнее. Смеялась громче. Упрямылась даже тогда, когда едва стояла. Носила яркое платье с кроссовками и садилась везде, где могла, не объясняя никому почему.

У неё было трое детей.

И, судя по тому, как ни разу не прозвучало слово «муж», никого рядом.

Владислав отложил ручку и написал:

«Я подожду».

Потом открыл календарь.

Следующая очная встреча по проекту действительно стояла через две недели. Слишком долго.

На пятницу в календаре был назначен предварительный осмотр площадки под региональный офис и учебный центр. В городе Анны. Сам Владислав собирался в Ярославль, а на осмотр должен был ехать директор по развитию: на этом этапе его полномочий хватало.

Владислав задержал взгляд на названии города и набрал помощницу.

— Ирина, кто едет на площадку в пятницу?

— Денис Ковалёв. Вы в Ярославле, потом ужин с инвесторами.

— Перенеси Ярославль на следующую неделю. На площадку поеду я.

На другом конце повисла короткая пауза.

— На предварительный осмотр?

— Да.

— Осмотр предварительный. Денис справится без вас.

— Знаю.

Ирина помолчала ещё секунду.

— Освободить вечер?

Владислав посмотрел на сообщение Анны.

— Освободи.

Глава 3. Рабочую часть закончили

К четвергу — первому по-настоящему холодному утру октября — Аня почти убедила себя, что ничего особенного не произошло.

Деловая поездка. Тяжёлый день. Номер в гостинице, который оплатил партнёр по проекту, потому что у него оказалось больше здравого смысла и денег. Несколько сообщений после. Обычная человеческая забота, просто выраженная человеком, который не умел делать ничего вполсилы.

Если не вспоминать его ладонь на талии, объяснение выглядело почти убедительно.

Аня старалась не вспоминать.

Получалось плохо.

Он писал каждый день, но ни разу не превращал переписку в бесконечное «как дела». Утром во вторник прислал фотографию кофе и спросил, была ли капельница. В среду поздно вечером обнаружил её в рабочем чате и написал отдельно: «Заканчивайте». Она ответила, что он не её руководитель. Владислав согласился и через минуту добавил: «К сожалению».

Аня не знала, что делать с мужчиной, который соглашался с её возражениями, но не менял поведения.

В четверг общий созвон начинался в одиннадцать. Она включила камеру заранее, поставила ноутбук на две толстые

книги и пересела так, чтобы в кадр попадали лицо, плечи и верхняя часть зелёного платья. Потом поправила волосы, немного опустила крышку, снова подняла и сердито скрыла только собственное окно, чтобы больше себя не видеть. Камера осталась включённой.

Раньше она проверяла ракурс для всех.

Сегодня — для одного человека.

Это раздражало.

Владислав подключился последним. В кадре появился просторный кабинет: тёмное дерево на стене, Владислав в светло-серой рубашке без пиджака. Волосы были зачёсаны назад, но Аня уже знала, что через час они всё равно упадут на лоб. Щетина казалась темнее обычного. Часы лежали возле ноутбука, а не на руке.

Она посмотрела на них слишком долго.

Владислав поднял глаза прямо в камеру.

— Доброе утро, Анна.

На встрече было ещё девять человек. Поздоровался он только с ней.

— Уже почти день, Владислав.

— У меня утро начинается с первого содержательного разговора.

— Тогда сочувствую вашим сотрудникам.

Кто-то засмеялся. Андрей быстро начал встречу, не дав разговору стать личным, но Аня успела увидеть, как изменилось лицо Владислава: строгий рот дрогнул, а возле глаз

легли короткие складки.

Следующие сорок минут было не до него.

Клиент перенёс финальный совет на неделю раньше. До заседания оставалось восемь дней, а готовую презентацию потребовали через четыре. Два блока не согласованы, финансовая модель существовала в трёх версиях, а юристы ещё не ответили, можно ли использовать половину собранных материалов.

Аня записывала задачи, одновременно распределяя их в чате. Спокойствие включилось само — то самое, которое окружающие принимали за уверенность, хотя на деле оно означало лишь, что паниковать она будет позже, когда все получат инструкции.

— Тогда финальную версию собираем к понедельнику, — подвёл итог Андрей. — Во вторник генеральный прогон. Я презентую общую концепцию, Игорь — финансовый блок. Анна остаётся на подхвате по содержанию.

Она продолжила печатать. Эту формулировку Аня слышала столько лет, что почти перестала замечать.

— Почему Сафонова не презентует концепцию? — спросил Владислав.

Клавиша под пальцем Ани осталась нажатой. На экране появилось длинное бессмысленное «ддддддд».

Андрей улыбнулся той уверенной улыбкой, которой обычно объяснял клиентам внутренние решения команды.

— Анна сильнее в операционном управлении. Вы же сами

видели. Ей комфортнее оставаться за кулисами.

Владислав посмотрел не на него. На Аню.

— Вам комфортнее?

Она могла спасти Андрея. Сказать, что не любит выступать, что генеральный директор действительно должен показывать общий результат, что ей всё равно, кто стоит перед советом, если проект принят.

Аня говорила это себе много лет.

Только сейчас, под прямым взглядом серо-голубых глаз, привычное объяснение вдруг показалось слишком удобным для всех, кроме неё.

— Я могу презентовать концепцию, — сказала она.

Собственный голос прозвучал ровно.

Андрей перестал улыбаться.

— Ань, дело не в том, можешь ли ты.

— Тогда в чём?

На несколько секунд в наушниках стало тихо. Игорь отключил камеру. Кто-то из команды очень заинтересованно опустил глаза в телефон.

Владислав не вмешивался.

Аня вдруг поняла, что он действительно не собирается отвечать за неё. Он только задал вопрос, которого ей самой не хватало смелости задать вслух.

Андрей первым отвёл взгляд.

— Хорошо. Давайте Анна презентует концепцию, я подключусь к обсуждению стратегии. Сегодня к вечеру жду чер-

новую структуру.

— Она будет, — ответила она.

Встреча продолжилась. Ещё двадцать минут говорили о сроках, согласованиях и людях, которые внезапно уходили в отпуск именно тогда, когда были нужнее всего. Аня почти не слышала. Сердце билось слишком быстро, ладони вспотели, а внутри поднималась странная смесь страха и ярости.

Не на Андрея даже.

На себя — за то, что семь лет ей казалось нормальным оставаться «на подхвате» в собственных проектах.

Когда все попрощались, Аня потянулась к кнопке выхода.

— Оставайтесь, — сказал Владислав.

Она замерла.

Андрей всё ещё был в конференции. Его камера погасла почти сразу.

— Созвонимся отдельно, Ань, — бросил он и вышел.

На экране остались двое.

— Не надо было делать это при всех, — сказала она.

— Что именно?

— Ставить Андрея в такое положение.

— Я спросил, почему проект не представляет человек, который знает его лучше всех.

— Вы прекрасно понимали, что произойдёт.

— Да.

— Тогда не делайте вид, что это был нейтральный вопрос.

Владислав чуть откинулся в кресле. В кадр попали широ-

кая грудь, закатанные рукава и сильные предплечья. Рядом с его правой рукой по-прежнему лежали часы.

— Хорошо. Это не был нейтральный вопрос.

Аня ждала продолжения.

— И?

— И вы ответили на него сами.

— Потому что вы меня вынудили.

— Я назвал ваше имя.

Она открыла рот и закрыла.

Владислав наклонился ближе к камере.

— Если бы вы сказали, что не хотите выступать, я бы принял этот ответ. Но вы хотели. Просто привыкли, что желание нужно сначала защитить десятком разумных причин.

— Вы слишком много обо мне решили за один день.

— Возможно.

— И опять соглашаетесь.

— Вам было бы легче, если бы я спорил?

Нет. Было бы легче, если бы он оказался неправ. Если бы можно было назвать его самоуверенным чужим мужчиной, закрыть ноутбук и вернуться к жизни, в которой всё давно распределено: работа — ей, признание — тем, у кого подходящая должность; забота — от неё, усталость — тоже ей.

Она провела ладонью по лицу.

На сгибе локтя белел небольшой пластырь после вчерашней капельницы. Владислав сразу его заметил.

— Были?

Она проследила за его взглядом.

— Была.

— Как себя чувствуете?

— Пока никак. Мне сказали, мгновенного превращения в энергичного человека не будет.

— Вы и так энергичный человек.

— Вы видели, как я хожу.

— Видел. Это не одно и то же.

В его голосе не было утешения. Он не убеждал её считать тело бодрым, когда оно отказывалось слушаться. Просто отделил её саму от болезни, и Аня неожиданно почувствовала благодарность — почти такую же опасную, как желание.

— Спасибо за вопрос на встрече, — сказала она. — Но больше так не делайте.

— Почему?

— Потому что я должна сама решать, когда вступать в конфликт со своим руководителем.

— Согласен.

Она сощурилась.

— И?

— В следующий раз спрошу заранее.

— Владислав...

— Завтра в семь вы свободны?

Переход был настолько неожиданным, что Аня несколько секунд просто смотрела на экран.

— Зачем?

— Обсудить структуру презентации до понедельника.

— Для этого существует ещё один созвон.

— На общем созвоне Андрей будет объяснять, почему ему удобнее презентовать вашу работу самому.

— Мы в разных городах.

— Завтра будем в одном.

— Почему?

— Я осматриваю площадку под региональный офис.

— У вас здесь нет филиала.

— Поэтому мы и смотрим площадку.

Аня прищурилась. Он ответил слишком быстро, а она уже открывала поисковик в соседней вкладке.

— Это настоящая рабочая поездка?

— Да. Предварительный осмотр был в графике до нашего разговора. Я только решил поехать сам.

— А презентация?

— Тоже настоящая работа. Мне нужны ваши ответы без Андрея между нами.

— То есть вы предлагаете рабочую встречу?

— Да. В месте, где можно открыть ноутбук и поесть.

Только после слова «рабочую» она посмотрела не на его лицо, а в календарь. На свидание она бы не согласилась. Особенно с ним. Владислав мог ценить её голос, опыт, способность вытаскивать чужие проекты; это ещё не означало, что он видел в ней женщину, ради которой едут пятьсот пятьдесят километров.

— Тогда свободна, — сказала она.

Владислав кивнул.

— В семь. Пришлю адрес. Возьмите ноутбук.

— Вы даже не спросите, какое место подходит для работы?

— Спрошу. Вам какое подходит?

Аня умела подбирать места для чужих деловых завтраков: проверяла меню, тишину, розетки и парковку, а потом отправляла туда коллег. Для себя ей понадобилось только одно условие.

— Только не очень далеко от парковки, — сказала она.

Владислав не отвёл взгляд и не сделал вид, что не понял причины.

— Хорошо. Я найду.

* * *

В пятницу в шесть двадцать Аня стояла перед зеркалом в прихожей и пыталась решить, не слишком ли нарядно выглядит.

Платье было цвета тёмной бирюзы, с асимметричным воротом, мягкой драпировкой на груди и широким поясом. Одно из любимых — не потому, что стройнило, хотя продавец когда-то уверял именно это, а потому, что в нём хотелось расправить плечи. К платью она надела белые кроссовки и оставила волосы распущенными.

Чёлка легла хорошо с первой попытки.

Это настораживало сильнее всего.

Соня появилась за её спиной, прислонилась к стене и некоторое время молча рассматривала отражение.

— Ты красивая.

— Я не спрашивала.

— Поэтому и говорю. Если бы спросила, я бы поняла, что отвечать надо осторожно.

Аня поправила пояс.

— У меня рабочий ужин.

— Конечно.

— Что «конечно»?

— Ничего. Просто ноутбук ты обычно выбираешь быстрее платья.

— Мне нужно выглядеть нормально.

Соня снова посмотрела на отражение.

— Ты выглядишь не просто нормально. Ты выглядишь довольной.

Аня взяла сумку.

— Я вернусь не поздно.

— Вернись когда захочешь.

Аня уже взялась за ручку двери, но замерла.

Дочь пожала плечами.

— Мы справимся. Иди.

Внутри сжалось знакомое чувство: благодарность, почти сразу переходящая в вину. Аня заставила себя не спрашивать в третий раз, что мальчики будут есть и кто поставит посуду в машину.

— Хорошо, — сказала она. — Иду.

Ресторан оказался в десяти минутах езды от дома. Аня приехала на такси и вышла прямо у входа. Формально — потому что собиралась выпить вина. Честнее — потому что одна мысль о пятничной парковке, кругах между занятыми местами и чужих машинах с обеих сторон заранее отнимала силы. Перед дверью стояла скамья. Она села, достала телефон и написала, что уже приехала.

Владислав ответил: «Вижу».

Она подняла голову.

Он шёл от машины через парковку. Без пиджака, в тёмно-синей рубашке с закатанными рукавами и светлых брюках. Волосы после дороги растрепались и падали на лоб. Щетина стала гуще. Высокий, широкий, слишком заметный для небольшого города и тихого пятничного вечера.

Рядом с ним Аня особенно остро почувствовала собственную тяжесть — хотя Владислав смотрел так, будто видел совсем другое.

Он смотрел внимательно, и Аня сразу нашла безопасное объяснение: яркое платье, другая причёска, первая встреча не через экран. Предположить, что мужчине вроде него нравится её тело, было почти так же нелепо, как решить, что рабочий ужин на самом деле устроен ради неё.

Он остановился перед скамьёй.

— Добрый вечер.

— Добрый.

— Вы всё-таки приехали.

— Я обещал.

Владислав протянул руку. Аня вложила пальцы в его ладонь и поднялась. Он не тянул её на себя, только дал опору. Когда она выпрямилась, не отпустил сразу.

— Красивое платье.

— Спасибо.

— И вы в нём.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Всё ещё сложные конструкции.

— Нет. Сейчас было довольно прямо.

Он открыл дверь и пропустил её внутрь.

Стол стоял на первом этаже, в двух шагах от входа, в спокойном углу возле окна. С одной стороны — мягкий диван, с другой — кресло. Аня сразу поняла, что место выбрано не случайно.

— Вы звонили и спрашивали, далеко ли идти?

— Да.

— И предупредили, что нужен диван?

— Я сказал, что нам нужен удобный стол.

— Нам?

— Я тоже люблю сидеть.

Он произнёс это с таким серьёзным лицом, что Аня засмеялась.

Владислав дождался, пока она устроится, и сел рядом на диван, а не напротив. Так было удобнее смотреть в один

экран. Между ними оставалось достаточно места, но его бед-ро всё равно оказалось близко. Аня поставила сумку между ними и достала ноутбук.

Официант принёс меню. Владислав не стал заказывать за неё, не комментировал выбор и не спросил, достаточно ли она ест. После гостиничного завтрака это почти удивило.

— Что? — спросил он, заметив её взгляд.

— Ничего.

— Вы ждали, что я выберу вам ужин?

— Возможно.

— Вы уже не за рулём и выглядите так, будто сегодня ели. Оснований вмешиваться нет.

— Откуда вы знаете, что я ела?

— На созвоне у вас была тарелка.

— Вы следили за моей тарелкой?

— Я следил за вами. Тарелка попала в область наблюдения.

Аня опустила меню, не скрывая улыбки.

— Вы всегда говорите женщине прямо, что за ней следите?

— Если женщина вы, выясняется, что лучше говорить всё прямо. Иначе вы находите самое безопасное объяснение.

— А безопасное — обязательно неправильное?

— В нашем случае да.

Они сделали заказ. Аня выбрала рыбу и овощи, потом, подумав, добавила картофель. Владислав — мясо и салат. Он

спросил, будет ли она пить вино. Лечение не запрещало один бокал; всё последнее время запрещала себе сама Аня, словно удовольствие тоже требовало медицинского разрешения. Она выбрала белое. Владислав заказал воду — ему предстояло вести машину.

Потом она открыла презентацию.

Следующие сорок минут встреча действительно была рабочей. Владислав не использовал ноутбук как декорацию и не пытался перевести каждый вопрос в личный. Он остановился на трёх спорных слайдах, позвонил финансовому директору за цифрой, которую команда безуспешно ждала второй день, и вычеркнул формулировку Андрея о «масштабной трансформации», потому что за ней не стояло ни одного измеримого изменения.

Аня спорила, возвращала два вычеркнутых тезиса и впервые видела, как он принимает рабочее решение не через экран: быстро, без стремления оставить последнее слово за собой и без раздражения, если её довод оказывался сильнее.

Когда разговор коснулся нового регионального офиса, Владислав показал ей план площадки. Аня увеличила схему и сразу нахмурилась.

— Если здесь будет учебный центр, гостевой поток пойдёт через зону разгрузки. На любом мероприятии люди, мебель и техника встретятся в одной двери.

— Завтра собственник покажет второй корпус и подъезд со стороны озера, — сказал Владислав. — Посмотрите со

мной?

— В качестве кого?

— Человека, который за десять секунд увидел то, чего не заметили архитекторы на трёх планах.

— Это дополнительная работа.

— Ваше агентство выставит счёт.

— Обязательно.

— В десять?

Она посмотрела на схему. Рабочая задача была понятной, конкретной и не требовала верить ни одному комплименту.

— В десять.

К концу обсуждения еду уже принесли. Она закрыла ноутбук и убрала его в сумку.

— Рабочая часть закончилась, — сказал Владислав. — Если хотите, я отвезу вас домой.

Она посмотрела на тарелку, к которой почти не притронулась.

— С недоеденной рыбой?

— Можете остаться. Но теперь уже не ради презентации.

Вот это и было похоже на предложение, которого Аня старательно не слышала весь вечер. Тарелка немедленно дала ей другое объяснение тому, почему она не встаёт.

— Я доем.

— Хорошо.

— Вы действительно весь вечер будете пить воду? — спросила она.

— Я за рулём.

— У вас же есть водитель.

— Есть. Но сегодня я хотел вести сам.

— Вы всё-таки провели столько часов за рулём ради пред-
варительного осмотра?

— И ради ужина.

Аня положила вилку.

— Вот это уже не рабочий ответ.

— Рабочую часть мы закончили.

— Вы могли поручить площадку Денису Ковалёву.

— Мог.

— Тогда зачем приехали сами?

Владислав повернулся к ней всем корпусом. Его плечо
оказалось ближе, взгляд — слишком прямым.

— Увидеть вас.

— Люди не передвигают встречи и не тратят день на до-
рогу, чтобы увидеть женщину, которую знают два месяца по
работе и один день лично.

— Я передвинул.

— Зачем?

— Вы мне нравитесь.

Слова были простыми. Без паузы и подготовленной инто-
нации. Но Аня всё равно успела перевести их в единствен-
ное правдоподобное значение: ему нравилось с ней работать,
разговаривать, спорить. Всё это ещё не делало её женщиной,
которую он мог хотеть.

Аня машинально взялась за пояс платья, но остановила руку на полпути.

— Вы меня почти не знаете.

— Знаю достаточно, чтобы хотеть узнать больше.

— А если...

Она не договорила.

— Что?

— Ничего.

Владислав посмотрел на её лицо, потом медленно опустил взгляд. Не тайком — на грудь, талию, живот, линию бедра под мягкой тканью. Аня чувствовала этот взгляд почти физически. Хотелось втянуться, отвернуться, прикрыться сумкой. Вместо этого она заставила себя остаться неподвижной.

Он снова посмотрел ей в глаза.

— Если вы собирались спросить, понимаю ли я, как вы выглядите целиком, то да. Понимаю.

Щёки вспыхнули.

— Я не собиралась.

— Понял.

— И не надо так на меня смотреть.

— Как?

— Будто...

Аня снова замолчала. Сказать «будто хотите» означало бы признать, что именно она видит в его взгляде.

— Будто хочу вас? — закончил Владислав.

Она резко вдохнула.

— Тише.

— Здесь никто нас не слушает.

— Я слушаю.

— На это и рассчитывал.

Аня сделала глоток вина и почти обрадовалась возможности смотреть в бокал. Несколько минут Владислав говорил о дороге, о странной заправке, где ему пытались продать домашний мёд вместе с моторным маслом, и напряжение постепенно ослабло.

Он умел быть не только человеком, при появлении которого в переговорной все выпрямлялись и начинали говорить короче. Умел рассказывать смешно, не добиваясь смеха. Слушал ответ, а не ждал своей очереди говорить. Не проверял телефон, хотя тот несколько раз коротко вибрировал возле его руки.

— Вы всегда хотели заниматься тем, чем занимаетесь? — спросил он.

Аня прожевала картофель.

— Я не уверена, что в детстве кто-то мечтает управлять людьми, которые присылают финальную версию под названием «финал_самый_последний_точно».

— Но вам нравится.

— Нравится, когда получается. Когда из хаоса складывается вещь, которая работает. И ещё момент, когда все уже успели объяснить, почему решения нет, а ты вдруг видишь одно действие, от которого меняется весь результат. Его на-

до выбрать сейчас, пока остальные ещё обсуждают риски. — Аня ненадолго замолчала. — И когда люди рядом растут. Иногда я вижу, что человек год назад боялся открыть рот на встрече, а сегодня спорит с клиентом и оказывается прав. Ради этого многое можно терпеть.

— Например, оставаться за кулисами?

Она положила вилку.

— Мы договорились не обсуждать работу.

— Не договаривались.

— Тогда договариваемся сейчас.

— Хорошо. Что вам нравится кроме работы?

Аня не ответила сразу.

Аня посмотрела в окно. За стеклом начинался дождь, редкие капли темнели на асфальте. По тротуару шла пара, женщина что-то рассказывала, мужчина держал над ними один зонт.

— Ездить, — сказала она.

— Куда?

— Неважно. Просто далеко. Когда впереди дорога и никто не может попросить срочно переделать заголовок.

— Вы же всё равно отвечаете на звонки за рулём.

— По громкой связи.

Владислав покачал головой.

— Не разрушайте красивый образ.

Аня улыбнулась.

— Ещё фотографировать. Раньше много снимала. Потом

перестала.

— Почему?

— Жизнь стала слишком занятой.

Это было правдой, но не всей. После смерти мужа она несколько месяцев не могла смотреть на старые фотографии. Потом смогла, но камера так и осталась лежать в шкафу: выбраться куда-то только ради света, дороги и кадра казалось непростительной роскошью.

Владислав уловил паузу.

— Вы замужем? — спросил он.

Вот и прозвучало.

Она посмотрела на его левую руку. Кольца не было. Следа от него — тоже.

— Была. Муж умер полтора года назад.

Лицо Владислава стало серьёзным, но в нём не появилось той жалости, после которой люди начинали говорить медленнее и мягче, будто горе лишало её способности понимать обычную речь.

— Мне жаль.

— Мне тоже.

Он кивнул. Не стал спрашивать, как это случилось, сколько лет они прожили и готова ли она теперь к новым отношениям. Взял стакан воды, сделал глоток и только потом спросил:

— У вас трое детей?

— Да. Все трое.

— Старшей сколько?

— Девятнадцать. Потом шестнадцать и тринадцать.

— Большая семья.

— Очень громкая.

— Вам нравится?

Аня задумалась.

— Иногда я закрываюсь в ванной, чтобы пять минут никто не произносил слово «мам». Но когда дома тихо, мне почти сразу становится не по себе.

— Значит, нравится.

— Значит, я привыкла.

Он не спорил. Она посмотрела на часы возле его запястья, потом на лицо.

— А вы?

— Был женат. Развёлся девять лет назад. Детей нет.

— И с тех пор ни разу не захотели снова?

— Жениться или детей?

— И то и другое.

— Детей хотел. Но не с женщиной, с которой мы уже тогда по-разному представляли будущее.

— А жениться?

Владислав провёл большим пальцем по краю стакана.

— Я не исключал. Просто не встречал человека, которого хотел бы впустить в свою жизнь.

Аня тихо усмехнулась.

— И сейчас у нас рабочий ужин.

— У нас был рабочий ужин. Я довольно ясно сказал, зачем приехал сам.

— Вы сказали, что я вам нравлюсь. Вам нравится со мной работать, разговаривать, спорить. Это ещё ничего не меняет.

— Для меня меняет.

— А я пока вижу площадку, презентацию и две рабочие поездки.

— Анна, вы всерьёз собираетесь объяснить работой то, что я приехал увидеть вас?

— Я не собираюсь строить теории на основании одного ужина.

Владислав поставил стакан.

— Хотите, чтобы я остановился?

Он не давил и не подсказывал правильного ответа. Действительно ждал.

В голове сразу выстроились ответы — слишком резкий, слишком мягкий, слишком похожий на признание, что останавливаться ему вообще есть от чего. Ни один не годился.

— Я хочу, чтобы вы не решали за меня, что будет дальше.

— Я услышал.

— И не превращали любой мой отказ во временную паузу.

— Не буду.

Она сощурилась.

— Опять соглашаетесь?

— Да. Но вы пока не попросили меня уехать.

Она посмотрела на него, потом снова взяла вилку.

— Не попросила.

* * *

Дождь усилился, пока они ужинали.

Владислав расплатился прежде, чем Аня успела достать карту. На её возмущение ответил, что она может пригласить его в следующий раз, и этим лишил спор смысла: слова «в следующий раз» ей понравились больше, чем хотелось показать.

До машины было близко, но он всё равно велел ей подождать под навесом и сам подогнал автомобиль к дверям. Она села рядом, устроила сумку на коленях и оглядела салон. Здесь пахло кожей, дождём и им. Между передними сиденьями лежал телефон, возле рычага — очки в тонкой оправе.

— А ваша машина?

— Дома.

— Из-за вина?

— Это было удобное объяснение. На самом деле я иногда вызываю такси, потому что боюсь приехать и не найти места. Или найти такое, в которое не сумею встать, пока сзади ждут люди.

Она ожидала совета чаще тренироваться или уверения, что парковка там была простой. Владислав только кивнул.

— Можно было сказать.

— Чтобы вы забронировали мне место?

— Чтобы я забрал вас из дома.

— Вы носите очки?

— Для чтения.

— На созвонах ни разу не видела.

— Я тоже многого о вас ещё не знаю.

После этой фразы Аня уже не могла делать вид, что разговор по-прежнему нейтрален.

Владислав включил обогрев. По стеклу бежали капли, город расплывался в мокрых огнях. Ехать было всего десять минут. Аня неожиданно захотела, чтобы дорога оказалась длиннее.

У её дома Владислав припарковался и заглушил двигатель.

— Спасибо за ужин, — сказала она.

— Вам понравилось?

— Рабочая часть была полезной.

— Я спрашивал не о ней.

Аня сделала вид, что проверяет, застёгнута ли сумка.

— Завтра в десять, — напомнила она. — Осмотр второго корпуса.

— Помню.

— Это работа.

— Да.

Он ответил слишком спокойно. Аня уже взялась за ручку двери, когда Владислав поднял руку и коснулся выбившейся пряди у её виска.

Все слова исчезли.

Он убрал волосы ей за ухо. Провёл костяшками пальцев

по щеке — медленно, едва касаясь. Щетина была совсем рядом, серо-голубые глаза смотрели не в лицо целиком, а на её губы.

Аня не отодвинулась.

Ладонь Владислава легла на боковую сторону шеи. Большой палец скользнул под подбородком. Он наклонился, и она почувствовала его дыхание.

— Не надо, — выдохнула она.

Владислав остановился сразу.

Не убрал руку, но замер, оставив между их губами несколько сантиметров.

— Почему?

Она закрыла глаза. Сказать честно было почти невыносимо.

— Потому что завтра это будет выглядеть нелепо.

Его пальцы чуть сильнее сомкнулись на её шее.

— Для кого?

— Для меня. Вы два дня обо мне заботитесь, а я уже начинаю придумывать то, чего нет.

— Например?

— Не заставляйте меня это произносить.

Владислав медленно выпрямился, провёл ладонью от её шеи к плечу и убрал руку.

Ане сразу стало холодно.

— Хорошо, — сказал он.

Она открыла глаза.

— Что хорошо?

— Я услышал.

Разочарование оказалось таким сильным и нелепым, что Аня разозлилась прежде всего на себя.

— И всё?

— Вы просили не считать отказ временной паузой.

Он запомнил. Не только её слова за столом — смысл.

— Завтра у нас работа, — сказала она.

— Да.

— И только.

Владислав посмотрел ей в глаза.

— И только, — повторил Владислав.

Аня вышла под дождь. Владислав успел обойти машину, прежде чем она сделала два шага. Раскрыл над ней зонт, предложил руку. Она взяла — потому что идти так было легче, а объяснять себе что-либо ещё сегодня уже не хотелось.

У подъезда он не посмотрел на её губы. Это почему-то задело сильнее, чем если бы снова попытался приблизиться.

— До завтра, Анна.

— До завтра, Владислав.

В лифте Аня напредила себе, что утром едет смотреть площадку. Официально. С планами и вопросами. То, что кожа на шее всё ещё помнила его ладонь, к работе отношения не имело.

К списку разумных объяснений она добавила бокал вина. Один-единственный, но для версии, в которой ей всё приви-

делось и завтра исчезнет, этого хватало.

Глава 4. По другую сторону объектива

Субботнее утро было ясным и холодным; после пятничного дождя на подоконнике блестела вода, а во дворе дворник сгребал прилипшие к асфальту листья. К девяти Аня уже придумала четыре причины отказаться от осмотра площадки.

Первая была совершенно разумной: ночью Миша кашлял, и она несколько раз вставала проверить температуру. Температуры не оказалось, зато утром он потребовал блины и выглядел человеком, готовым немедленно выздороветь ради планшета.

Вторая касалась работы. Андрей прислал комментарии к структуре презентации в два сорок семь, и половина замечаний сводилась к тому, что «нужно сделать стратегичнее». Аня могла потратить утро на расшифровку этого пожелания.

Третья — капельница. После неё всё ещё болела рука.

Четвёртая была самой честной: сегодня ей предстояло несколько часов рядом с мужчиной, который накануне едва её не поцеловал, а потом действительно услышал «не надо».

Она уже набрала сообщение о том, что присоединится по видеосвязи, и стёрла. Договорённость была рабочей; правдоподобной причины нарушить её не находилось.

В половине десятого она стояла на кухне в домашней футболке, жарила блины и убеждала себя, что не успеет собраться. Волосы были собраны карандашом, на щеке осталась мука, телефон лежал на подоконнике и молчал.

Без двух минут десять пришло сообщение.

«Я внизу. Не торопитесь».

Почти сразу следом:

«И возьмите фотоаппарат».

Аня перестала переворачивать блин.

— Мам, горит, — сообщил Миша.

Она выключила плиту.

Фотоаппарат лежал на верхней полке шкафа в спальне, за коробкой с документами и пакетом вещей, которые она собиралась разобрать уже больше года. Аня достала его не сразу. Сначала нашла чехол, потом зарядку, потом села на край кровати с тяжёлой камерой в руках.

Ремень был потёрт там, где когда-то постоянно лежал на шее. Карта памяти оказалась пустой: Аня всегда переносила снимки на компьютер в тот же день и раскладывала по папкам с датами. В последней папке лежали дети на даче, муж за рулём и случайный закат по дороге домой. Последний кадр был сделан за четыре месяца до его смерти.

Аня закрыла папку на ноутбуке и вставила чистую карту обратно в камеру.

Можно было оставить камеру в шкафу и сохранить встречу строго рабочей. Через минуту аккумулятор почему-то

уже стоял на быстрой зарядке. Аня заметила это только перед тем, как пойти в душ, и решила не разбираться.

В десять двадцать четыре Аня вышла из подъезда в светлом платье с крупными синими цветами, джинсовой куртке и белых кроссовках. Фотоаппарат лежал в сумке через плечо. Чёлка после спешки снова жила отдельно от остальной причёски.

Владислав ждал возле машины.

Сегодня на нём были джинсы, тёмная футболка и лёгкая куртка. Без рубашки и строгих брюк он казался ещё крупнее. Ткань облежала грудь и плечи, на предплечьях поднимались светлые волосы. От него пахло холодным воздухом, чистой тканью и тем же древесным ароматом, который она запомнила за завтраком. Часы оставались на привычном месте.

Он посмотрел на Аню и медленно улыбнулся.

— Доброе утро.

— Почти день.

— Я уже понял, что у нас разные часовые пояса.

Владислав открыл пассажирскую дверь. Машина была высокой. Она взялась за ручку над дверью, примерилась и тут же почувствовала его ладонь на своём боку.

— Я сама.

— Знаю.

Он не убрал руку.

Она поднялась на подножку. Под его ладонью ткань платья натянулась на мягком животе, пальцы легли ближе к та-

лии. Владислав не пытался касаться меньше, чем требовало движение. Наоборот, поддержал всей рукой, уверенно и спокойно.

Она села, поправила платье на коленях.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Он закрыл дверь и обошёл машину.

На заднем сиденье стояли пакеты из пекарни, термос и две картонные коробки. Аня обернулась.

— Это для осмотра?

— Нет. Сначала площадка.

Он действительно повёз её работать.

Через двадцать минут машина остановилась возле невысокого загородного комплекса из красного кирпича. У входа уже ждали Денис Ковалёв и женщина, представившаяся собственницей. Владислав назвал Аню консультантом по клиентским мероприятиям — не помощницей, не человеком «на подхвате» — и сразу передал ей распечатанные планы.

Большую часть осмотра она провела за столом на крытой террасе. От парковки до него было двенадцать шагов. Владислав заметил стоящие у стены стулья раньше неё, поставил один рядом с планами и не сказал ни слова о том, почему это сделал.

Собственница рассказывала о площади залов и виде на озеро. Денис показывал будущие кабинеты. Аня слушала, сверяла схему с тем, что видела вокруг, и задавала вопросы о

вещах, которые обычно обнаруживали в день первого мероприятия: куда подъедет машина с техникой, где будут ждать гости, как человек с чемоданом попадёт в корпус во время дождя.

— Второй вход можно открыть со стороны парковки, — сказала собственница. — Но тогда гости будут проходить через служебный коридор.

— А через главный им придётся пересечь дорогу, обойти клумбу и подняться по лестнице, — ответила она. — Для офиса это неудобно. Для учебного центра — постоянная проблема. Вы каждый раз будете ставить людей с указателями и всё равно искать половину группы по территории.

Денис наклонился над планом.

— Можно перенести стойку регистрации сюда.

— Тогда очередь перекроет вход в зал. И разгрузка оборудования всё равно пойдёт навстречу гостям.

Владислав не вмешивался. Только слушал и время от времени задавал собственнице короткие вопросы о стенах, которые можно снести, и сроках согласования нового входа.

Через сорок минут планы выглядели иначе: Аня перечеркнула один маршрут, нарисовала второй и предложила поменять местами малый зал и административный блок.

— Если вам нужен только региональный офис, здание подходит, — сказала она. — Если здесь будут клиенты, обучение и мероприятия, без нового входа я бы не брала. Иначе люди будут каждый раз исправлять планировку собственны-

ми ногами.

Владислав посмотрел на Дениса.

— Посчитайте новый вход и перенос зала. Потом вернёмся к цене.

На этом встреча закончилась. Денис уехал с собственницей смотреть коммуникации, а Владислав открыл перед Аней пассажирскую дверь.

— Вы действительно приехали по работе, — сказала она.

— Я говорил.

— Но могли отправить Дениса.

— Мог. Я хотел увидеть вас. Одно не отменяет другого.

Она села в машину. Только теперь заметила пакеты, термос и коробки на заднем сиденье.

— Мы не едем в ресторан?

— Нет.

— А куда?

— Завтракать.

— Исчерпывающе.

— Вам понравится.

— Откуда вы знаете?

Владислав завёл двигатель.

— Вы вчера сказали, что любите дорогу и фотографировать. Я решил проверить, говорили ли правду.

— А если не понравится?

— Вернёмся.

Он сказал это просто. Без разочарования, без заранее вло-

женных усилий, которые теперь обязывали её радоваться. Аня устроила сумку с камерой на коленях и посмотрела в окно.

От площадки дорога пошла между полями, ещё влажными после ночного дождя. Облака расходились, солнечные полосы двигались по траве. Владислав вёл одной рукой, вторую положил на рычаг, и Аня время от времени смотрела на его пальцы. Большие, сильные, с выступающими венами. Часы блестели в редком солнце.

— Куда мы едем? — спросила она через двадцать минут.

— К озеру.

— Там далеко от парковки?

Аня постаралась спросить как можно ровнее и всё равно крепче сжала ремень сумки на коленях.

— Нет. Можно вообще не выходить из машины.

Она повернулась к нему.

— Вы специально искали такое место?

— Да.

— Когда?

— Ночью.

— Вы должны были спать после дороги.

— Должен.

— Но вместо этого искали место, где женщине, с которой вы один раз поужинали, не придётся далеко идти?

— Два раза. В гостинице тоже был ужин, просто вы его почти не съели.

— Это не считается.

— Тогда один.

Аня ждала, что он добавит что-нибудь ещё, объяснит, почему забота для него так естественна. Владислав молчал, глядя на дорогу.

— Вы всегда такой? — спросила она.

— Какой?

— Замечаете всё, что человек хотел бы скрыть, а потом ведёте себя так, будто скрывать незачем.

Он ненадолго задумался.

— Нет.

— Очень лестно.

— С большинством людей я вижу и не вмешиваюсь.

— А со мной?

Владислав перестроился, обогнал грузовик и только потом ответил:

— С вами трудно не вмешиваться.

— Потому что я кажусь беспомощной?

Он резко повернул голову.

— Нет.

От его резкого «нет» она замолчала.

Она замолчала.

Владислав выдохнул и снова посмотрел на дорогу.

— Вы кажетесь человеком, который берёт на себя слишком много, — сказал он уже спокойнее. — Это не беспомощность. Но мне не нравится смотреть, какой ценой вам это да-

ётся.

— Почему?

— Потому что вы мне нравитесь.

Он снова произнёс это так просто, что защищаться оказалось нечем.

Она провела пальцем по ремню камеры.

— Вы давно любите полных женщин?

Вопрос вырвался раньше, чем она успела решить, хочет ли знать ответ.

Владислав не переспросил. Не сделал вид, что не понимает, о чём речь. Только бросил на неё короткий взгляд.

— Всегда.

— Именно полных?

— В том числе.

— Удобный ответ.

— Хотите неудобный?

Аня сглотнула.

— Не знаю.

— Мне нравится ваша фигура. Грудь, бёдра, живот. Нравилось смотреть, как платье обтягивает вас со спины. Нравится, что рядом со мной вы не кажетесь хрупкой. И я последние два дня слишком часто думаю, какая вы на ощупь.

Машина шла ровно, солнце мелькало между деревьями, а Аня сидела, не в силах ни пошевелиться, ни посмотреть в его сторону.

Владислав убрал руку с рычага и положил на руль.

— Достаточно неудобно?

— Да.

— Хорошо.

— Для кого?

— Для меня. Теперь вы хотя бы перестанете искать объяснение, не заметил ли я вашу фигуру.

Аня прижала ладонь к горячей щеке.

— Вы невозможный человек.

— Вы говорили.

— Я буду повторять.

— Я не против.

Озеро открылось за поворотом. Большая гладкая вода лежала между соснами, светлая у берега и тёмно-синяя дальше. Дорога спускалась почти к самой кромке. Владислав свернул на небольшую площадку и остановился так, чтобы через открытый багажник было видно воду.

Аня приготовилась выходить.

— Подождите.

Он обошёл машину, открыл заднюю дверь и начал доставать коробки.

— Я могу помочь.

— Можете. Держите кофе.

Владислав протянул ей термос и два стакана, потом открыл багажник. Внутри лежали сложенный плед и две подушки. Он расстелил всё прямо на широком краю багажного отделения, поставил коробки рядом и оглянулся.

— Так подойдёт?

Аня смотрела на устроенный им завтрак, на воду в нескольких метрах, на сосны и узкую тропинку, по которой ей не нужно было идти.

— Да.

Голос неожиданно дрогнул.

Владислав ничего не спросил. Подошёл, забрал термос и снова положил ладонь ей на бок, помогая выбраться. Аня опёрлась на его плечо. Под курткой и футболкой оно было твёрдым, почти неподвижным. На земле он не отпустил её, пока она не встала уверенно.

До багажника оставалось четыре шага.

Они сели рядом. Край багажника был высоким: Аня свесила ноги, а Владислав вытянул свои далеко вперёд. Она приняла стакан с кофе и открыла коробку. Внутри лежали ещё тёплые круассаны, сырники, ягоды и маленькие баночки со сметаной.

— Вы ограбили пекарню?

— Не знал, что вы любите.

— Можно было спросить.

— Тогда не получилось бы сюрприза.

— А если я ничего из этого не ем?

— Поэтому взял разное. Не понравится — заедем в другое место.

Она рассмеялась и взяла сырник.

Ели молча. Ветер двигал верхушки сосен, от воды тянуло

прохладой. По дальнему берегу медленно шла лодка. Здесь не было музыки, официантов и людей, которые могли узнать Владислава или спросить Аню о файлах.

Она достала камеру.

Аккумулятор показывал полный заряд. Аня сделала первый снимок осторожно, почти формально: вода, две ветки в верхнем углу, отражение облака. Потом изменила настройки, наклонилась, поймала солнечную дорожку. Ещё кадр. Ещё.

Тело помнило раньше головы. Пальцы сами нашли колесо выдержки, взгляд начал резать пространство на линии и свет. Аня перестала думать, как выглядит со стороны, не расправилась ли куртка на животе и не слишком ли тяжело она дышит. Просто смотрела.

Через несколько минут в кадр попал Владислав.

Он сидел там же, опершись ладонями о край багажника, и смотрел на неё. Ветер растрепал волосы, свет зацепился за щетине и сделал отдельные серебряные волоски почти белыми. Лицо было спокойным, непривычно открытым.

Аня нажала кнопку.

Щелчок прозвучал громко.

— Вы меня сняли? — спросил он.

— Случайно.

— Покажите.

— Нет.

— Почему?

— Вдруг плохо получилось.

— Тогда удалите.

Он протянул руку. Аня прижала камеру к груди.

— Не мешайте художнику.

— Художник только что утверждал, что вышло случайно.

— Художники имеют право противоречить себе.

Владислав встал. Аня сразу поняла, что он собирается сделать, и попыталась отодвинуться, но в багажнике было некуда. Он остановился между её коленями и положил ладони по обе стороны от бёдер.

— Покажите.

Слишком близко.

Аня чувствовала тепло его тела, видела светлую щетину на подбородке и маленький шрам возле брови, незаметный через экран. Камера оказалась зажата между ними.

— Владислав.

— Аня.

— Вы пользуетесь преимуществом в росте.

— И в ширине.

— Это нечестно.

— Зато эффективно.

Он потянулся к камере. Аня отвела её в сторону, и Владислав наклонился ещё ближе. Его грудь коснулась её руки. Щетина едва задела висок.

Они оба замерли.

Можно было поцеловать её сейчас. Аня видела это в его

лице, чувствовала в напряжении рук по обе стороны от себя. Владислав тоже помнил вчерашнее обещание.

Но не спросил.

Медленно отстранился, забрал свой кофе и снова сел рядом.

— Издеваетесь? — тихо спросила она.

— Жду, пока вы перестанете думать, что отвечаете из благодарности.

Она посмотрела на него. На строгий профиль, на прядь, которую ветер снова бросил на лоб, на большую руку со стаканом.

— А если не перестану?

— Тогда не поцелую.

— Совсем?

Теперь Владислав повернулся.

— Анна, не задавайте вопросы, на которые не хотите услышать честный ответ.

— Почему не хочу?

Он поставил стакан, взял камеру из её ослабевших пальцев и осторожно положил рядом.

— Потому что я скажу, чего именно жду, а вы снова найдёте объяснение, в котором меня к вам не тянет.

— Вы и так сказали достаточно.

— И вы всё равно не поверили.

Аня отвернулась к воде.

— Работа, — перечислила она. — Разные города. Дети.

— Мы не подчиняемся друг другу. Пятьсот пятьдесят километров — не другая планета. О детях я знаю.

— Муж умер всего полтора года назад.

— Я не прошу перестать его любить.

Аня вздрогнула.

Это была самая страшная часть. Не новый мужчина, не трое детей и даже не расстояние. Внутри неё всё ещё жила уверенность, что любое движение вперёд каким-то образом перепишет прошлое. Будто тело, отозвавшееся на другого, предаст двадцать лет жизни и человека, которого больше нет.

— Вы всё упрощаете, — сказала она.

— Нет. Это вы ищете безопасное объяснение всему, что вас пугает.

Она хотела возразить, но вместо этого подняла руку и коснулась его волос.

Они оказались мягче, чем она представляла. Прохладные от ветра, густые, достаточно длинные, чтобы пропустить их между пальцами. Она провела ладонью от виска к затылку и задержала прядь.

Владислав закрыл глаза. Впервые с момента знакомства он выглядел человеком, который не контролирует следующее движение.

Аня не тянула его ближе и сама ещё не знала, чем закончится этот день. Просто волосы снова упали ему на лоб, и ей захотелось убрать их, провести ладонью по затылку, задер-

жаться на секунду. От спокойного, почти домашнего жеста он стал неподвижнее, чем от любого её возражения.

— Вот это нечестно, — произнёс он хрипло.

— Почему?

— Вы прекрасно понимаете.

Аня не успела придумать ответ. На воду упала первая крупная капля. Потом вторая. Через несколько секунд дождь зашумел по крыше машины.

Владислав быстро закрыл коробки, убрал камеру в сумку и помог ей спуститься. Четыре шага до передних дверей они быстро прошли под ледяным дождём. Аня села, прижала ладонь к груди — не от расстояния, а от резкого холода и смеха.

— Очень романтично.

— Вам плохо?

Он наклонился к ней через открытую дверь. Волосы намокли, футболка потемнела на плечах.

— Нет. Просто дышу.

Владислав смотрел ещё несколько секунд, убеждаясь, что она не врёт, потом закрыл дверь и обошёл машину.

Ливень усиливался. По стеклу текла вода, лес и озеро исчезли за серой стеной. Внутри стало темно и тесно. Владислав включил двигатель, но не тронулся — видимость почти пропала.

Аня расстегнула джинсовую куртку. Мокрая ткань платья прилипла к коленям. Она откинула волосы назад и почувствовала его взгляд.

— Что?

— Ничего.

— Вы всё утро требуете честных ответов.

Владислав выключил дворники. Тишина сразу наполнилась шумом дождя по крыше.

Потом он положил правую руку на застёжку часов.

Движение было неторопливым. Большой палец нажал на металл, ремешок раскрылся. Владислав снял часы и положил их в нишу возле рычага.

Аня проследила за его пальцами.

— Зачем?

Он повернулся к ней.

— Мешают.

— Чему?

— Прикасаются к вам.

Сердце ударило так сильно, что на секунду стало больно.

Владислав не приблизился. Положил освобождённую руку на собственное колено и несколько секунд просто смотрел на неё.

— Вчера вы попросили остановиться, — сказал он.

Причины появились мгновенно: рабочая встреча, благодарность, одиночество, дождь, слишком тесная машина, слишком долгий взгляд. Их хватило бы на любой вопрос, кроме одного — хочет ли она, чтобы он снова отодвинулся.

— Владислав...

Он наклонился, но оставил между ними несколько санти-

метров.

— Я не хочу снова понять вас слишком поздно, Аня.

Она открыла рот. Ни одного слова не получилось.

Зато рука сама поднялась к его волосам. Аня запустила пальцы во влажные пряди и потянула его к себе.

Поцелуй случился раньше, чем она успела назвать происходящее.

Первое прикосновение губ было коротким. Потом Владислав накрыл её рот своим по-настоящему. Щетина царапнула кожу, пальцы на шее сомкнулись плотнее, вторая ладонь легла на талию и притянула её ближе.

Пальцы захватили мягкий бок поверх ткани — именно там, где Аня всегда пыталась разгладить платье или сделать себя меньше. Она вздрогнула и инстинктивно напряглась. Владислав почувствовал, но не ослабил прикосновение: держал так, будто ему нравилось всё, что помещалось в ладони.

Напряжение медленно ушло. Аня подалась ближе.

Объяснения уже выстраивались одно за другим. Позже она скажет себе, что виноваты дождь, близость, его забота, месяцы одиночества — всё, кроме самой невероятной причины. Сейчас ни одно из них не мешало ей гладить его щеку, чувствовать жёсткую влажную щетину и снова забираться пальцами в волосы.

Владислав тихо выдохнул ей в губы. От звука по спине прошла дрожь.

Владислав отодвинул сиденье до упора и развернулся к

ней. Между ними оставался широкий подлокотник: перелезть через него было бы и неудобно, и нелепо.

Он и не потянул. Положил ладонь Ане на затылок, второй обхватил мягкий бок и дал ей самой наклониться настолько, насколько было удобно.

Аня повернулась к нему всем корпусом, опёрлась ладонью о край подлокотника и прижалась грудью к его груди. Её тело не стало маленьким. Ему просто не требовалось, чтобы она делалась меньше ради его рук.

Он снова поцеловал её, теперь медленнее. Провёл губами по щеке, к уху, ниже. Щетина царапала шею. Аня запрокинула голову, вцепилась пальцами в его волосы и перестала думать о складках на животе, собственном весе и неудобном пространстве.

Владиславу нравилось всё.

Это было видно не в словах. В том, как широко ладонь легла на её бедро. Как пальцы сжали мягкость под платьем. Как он на секунду прижался лицом к верхней части груди, вдохнул и только потом поднял голову.

— Аня, — произнёс он низко.

Она потянула его за волосы, заставляя снова приблизиться.

— Влад...

Он замер.

Совсем. Даже пальцы на её бедре перестали двигаться.

Она открыла глаза.

Серо-голубой взгляд стал тёмным, почти стальным.

— Ещё раз, — попросил он.

Она поняла, что впервые назвала его не полным именем.

— Влад.

Он поцеловал её так, что Аня пропустила следующий вдох.

Аня подалась ещё ближе. Рука скользнула от бедра к талии, выше, остановилась под грудью. Ещё немного — и поцелуй перестал бы быть тем, что можно закончить в машине у озера.

Он остановился первым.

Прижался лбом к её виску и несколько раз глубоко вдохнул. Ладонь осталась на боку, пальцы всё ещё сжимали ткань платья.

— Почему? — спросила она, не узнавая свой голос.

— Потому что я хочу продолжить не здесь.

— А я, может быть, не предложу другое место.

Владислав повернул голову. Его губы коснулись уголка её рта.

— Сегодня не предложите.

— С чего вы взяли?

— У вас дома дети.

Она закрыла глаза.

Конечно. Дети. Дом. Блины на кухне, комментарии к презентации, обычный субботний день, из которого она исчезла на несколько часов и вернётся уже не совсем той женщиной,

которая вышла.

— Я не жалею, — сказала она.

— Я тоже.

— Но вы были правы. Последствия уже начались.

— Какие?

Она провела пальцами по его волосам, пригладила прядь и тут же снова взъерошила.

— Теперь я буду думать об этом на каждом созвоне.

— Я думал до.

— О чём именно?

Владислав посмотрел на её рот.

— Вы уверены, что хотите знать?

Аня представила понедельник: десять лиц на экране, таблицы, сроки и этот мужчина, который знает, как она выдыхает, когда его ладонь ложится на талию.

— Нет, — сказала она. — Пока нет.

— Тогда отодвиньтесь от меня, пока я ещё помню, что умею останавливаться.

Он снова поцеловал её — коротко, почти мягко — и отпустил. Аня вернулась к спинке пассажирского сиденья, поправила платье и нашла ремень. Руки дрожали.

Владислав взял часы из ниши.

Ремешок тихо щёлкнул на запястье.

Аня смотрела, как его пальцы застёгивают металл, и почему-то точно знала: она запомнит это движение. Не дорогую марку, не циферблат, не блеск корпуса. То, как он снимает

часы перед тем, как коснуться её обеими руками, и возвращается, когда решает остановиться.

— Готовы ехать? — спросил Владислав.

— Нет.

Он поднял бровь.

— Но поехали, — добавила она.

Дождь стал тише. Владислав включил дворники, и за стеклом снова появились озеро, сосны и светлая дорога наверх.

* * *

К дому они подъехали после двух.

Владислав открыл ей дверь и подал руку. Аня выбралась медленно. Ноги после долгого сидения слушались плохо, и он поддержал её за талию. На этот раз ладонь осталась там на секунду дольше, а Владислав посмотрел ей прямо в лицо.

Он достал сумку с камерой и повесил ей на плечо.

— В пятницу вы приезжаете на презентацию, — сказал он.

— Если мы успеем её подготовить.

— Успеете.

— Опять не сомневаетесь?

— В вас — нет.

Аня опустила взгляд. После всего, что произошло в машине, именно эти три слова задели неожиданно глубоко.

— Я приеду в четверг вечером, — сказала она. — Чтобы не ехать ночью перед советом.

Владислав одобрительно кивнул.

— Где остановитесь?

— Не начинайте. Гостиницу я выберу сама.

— Могу прислать ссылку на нормальную. Без бронирования и оплаты.

Аня насторожилась.

— Вы слишком легко согласились.

— Потому что собирался предложить другое.

— Что?

— Остановиться у меня.

— Нет.

— Хорошо.

Она посмотрела на него внимательнее.

— И вы даже не будете спрашивать почему?

— Нет. Вы ответили.

Это прозвучало без обиды и без попытки заставить её оправдываться. Аня кивнула.

— Ссылку на гостиницу пришлите.

Владислав наклонился и коснулся губами её виска.

— Только ссылку.

Аня толкнула его ладонью в грудь. Он поймал её запястье, поцеловал внутреннюю сторону и отпустил.

— До пятницы? — спросил он.

— До понедельника. У нас созвон.

— Это работа.

— А вам мало?

— Уже да.

Она вошла в подъезд, не оборачиваясь. На этот раз не потому, что боялась его взгляда, а потому, что знала: если посмотрит, вернётся и поцелует его ещё раз прямо у двери.

В квартире пахло блинами. Миша выбежал в коридор, заглянул в пустые руки и возмущённо спросил, почему она не принесла ничего вкусного. Соня с Никитой спорили из-за зарядки. На кухонном столе лежал открытый ноутбук.

Только Аня стояла в прихожей и всё ещё чувствовала на губах его щетину.

Аня сняла кроссовки, повесила сумку с камерой не в шкаф, а на крючок возле двери. Потом села на пуф — потому что ноги устали, потому что сидеть можно, потому что ей больше не хотелось делать вид даже перед собой, будто любое усилие даётся легко.

Телефон завибрировал.

Андрей прислал сообщение:

«Скинь вечером структуру. Я на всякий случай подготовлюсь презентовать сам, совет сложный».

Она перечитала дважды.

Раньше она ответила бы: «Конечно». Возможно, даже испытала бы облегчение. За публичность нужно платить волнением, заметностью, риском, что все наконец увидят не только её работу, но и её саму.

Она открыла клавиатуру.

«Структуру пришлю. Но презентую я».

Палец завис над кнопкой отправки всего на секунду.

Аня нажала.

Потом открыла фотографию Владислава на экране камеры.

На снимке растрёпанный Влад смотрел не в объектив — на неё.

Глава 5. Третий вызов

В понедельник в десять пятьдесят две Ирина остановилась в дверях кабинета Владислава с планшетом в одной руке и чашкой кофе в другой.

— В одиннадцать созвон с агентством, — сказала она. — Но ваш блок там третий и занимает десять минут. Могу позвать к нужному времени.

Владислав поднял глаза от договора.

— Не надо.

— Тогда предупреждаю: после вашего блока ещё сорок минут будут распределять задачи по презентации. Они вас не касаются.

— Я видел повестку.

Ирина задержалась на пороге.

Она работала с ним восемь лет и давно не пыталась скрывать удивление там, где любой другой сотрудник предпочёл бы промолчать.

— В пятницу вы сами ездили на предварительный осмотр, — напомнила она. — В субботу снова были на площадке. Теперь собираетесь слушать, кто рисует диаграммы. Денис спрашивает, не следует ли ему начать беспокоиться за своё место.

— Передай Денису, что его место в безопасности, если он перестанет присылать мне планы зданий без нанесённых

гостевых потоков.

— Уже передала. Анна Сафонова будет на созвоне?

Владислав посмотрел на неё.

Ирина невозмутимо отпила кофе.

— Я уточняю, нужна ли вам переговорная с большим экраном.

— Не нужна.

— Понял.

Она вышла, оставив дверь открытой. Владислав вернулся к договору, прочитал один абзац и понял, что не запомнил ни слова.

Два дня назад Аня целовала его в машине у озера, пропускала его волосы между пальцами и произносила короткое «Влад» так, будто имя всегда принадлежало ей. Потом вернулась в дом, где жили трое детей, и до вечера присылала комментарии к структуре презентации.

Но чаще поцелуя Владислав вспоминал секунду до дождя. Аня тогда ещё ничего не решила, не пыталась его соблазнить и не ждала ответного движения. Увидела упавшую прядь и просто погладила — от виска к затылку, мягко, будто имела право касаться его так уже давно.

От людей рядом с ним обычно чего-то требовалось: решение, деньги, защита, уверенность. В её ладони не было просьбы. И именно поэтому на одну короткую секунду ему не понадобилось быть ни сильнее, ни быстрее, ни правее.

В воскресенье они обменялись четырьмя сообщениями.

Три касались работы. В четвёртом Владислав спросил, болит ли после капельницы рука. Аня ответила: «Только когда я ею пользуюсь. То есть постоянно» — и сразу следом отправила новую версию второго блока.

Ни одного слова о поцелуе.

Он не ждал объяснений. Тем более не собирался требовать от неё определения того, что ещё не успело стать ничем, кроме нескольких часов рядом. Но молчание Ани было слишком старательным. Она не забыла. Она расставляла между ними рабочие файлы, сроки, города и всё, что позволяло не смотреть прямо на случившееся.

В одиннадцать Владислав открыл ссылку.

Андрей появился первым. За ним подключились финансовый директор, юристы, двое сотрудников агентства и Ирина. Чёрный квадрат с именем Ани загорелся почти сразу, но камера осталась выключенной.

Владислав откинулся на спинку кресла.

— Доброе утро, — сказала она.

Голос был ровным. Не таким низким, каким стал у него на руках, и не таким хриплым, как в конце долгого рабочего дня. Обычный голос Анны Сафоновой, способной за минуту вернуть разговор к повестке, даже если половина участников пришла обсудить собственную значимость.

— Доброе, — ответил он.

Она не поздоровалась с ним отдельно.

Первые два блока Владислава не касались. Андрей про-

шёл по графику подготовки, затем команда распределила правки и сроки. Аня уточняла, кто именно подтверждает цифры, не принимала «постараемся» и дважды возвращала вопрос человеку, попытавшемуся переложить решение на общий чат.

Владислав слушал.

Третий блок начался на тринадцатой минуте. Компания должна была подтвердить исходные данные и решить, какую цифру выносить на первый слайд. Финансовый директор предложил показать прогноз роста выручки на восемнадцать процентов. Андрей поддержал: сильное начало, сразу виден масштаб.

— Нет, — сказала она.

В конференции наступила короткая тишина.

Владислав посмотрел на чёрный квадрат внимательнее, будто от этого там могло появиться её лицо.

— Почему? — спросил он.

— Потому что восемнадцать процентов получены из модели, которую совет ещё не принял. Если поставить цифру первой, следующие сорок минут будут проверять коэффициенты и доказывать, что прогноз завышен. До самой стратегии мы не дойдём.

— Зато дойдём до главного вопроса сразу.

— Нет. Дойдём до самого удобного вопроса. Главный — зачем компании вообще менять модель работы в регионах.

Андрей вмешался прежде, чем Владислав успел ответить:

— Мы можем дать прогноз крупно, но добавить сноску о методологии.

— Совет не читает сноски во время обсуждения, — сказала она. — А если читает, значит, мы уже потеряли их внимание.

— Тогда что вы предлагаете? — спросил Владислав.

На экране сменился слайд. Вместо диаграммы появилась карта с четырьмя отмеченными городами и короткими цифрами возле каждого.

— Начать с того, сколько компания уже теряет из-за разрозненной работы филиалов. Это фактические данные. Потом показать, какие процессы мы меняем. И только после этого — прогноз. Тогда восемнадцать процентов будут следствием, а не обещанием.

— Прогноз уйдёт на шестой слайд, — возразил финансовый директор.

— На пятый. Если сегодня не подтвердите расходы по Казани, его не будет совсем.

— Я прислал их в пятницу.

— Вы прислали файл с названием «финал». В нём две вкладки с разными суммами.

Ирина выключила микрофон. Владислав заметил, как дрогнули её плечи.

Финансовый директор помолчал.

— Уточню.

— До трёх, пожалуйста, — сказала она. — Иначе на пятом

слайде будет пустое место, которое я подпишу вашей фамилией.

Кто-то тихо рассмеялся. Даже Андрей улыбнулся.

Владислав провёл большим пальцем по ремешку часов.

— Открывайте с потерями, — сказал он. — Прогноз после решения.

— Хорошо, — ответила она.

Без благодарности в голосе. Без осторожного «если вы не возражаете». Она не смягчила собственную правоту потому, что он согласился, и не попыталась показать, насколько ценит поддержку владельца компании.

Два дня назад он целовал её шею.

Сегодня она при девяти людях объяснила ему, что предложенный им порядок не работает.

Владислав почувствовал, как медленно поднимаются уголки губ.

Его часть закончилась в одиннадцать двадцать одну.

В углу экрана появилось сообщение от Ирины: «Дальше верстка и сроки. В 12:15 Крылов».

До встречи с Крыловым оставалось почти пятьдесят минут. Выйти сейчас было бы разумно. За годы управления Владислав научился не сидеть на совещаниях ради присутствия. Если от него не требовалось решения, он уходил; если решение могли принять без него, не приходил вовсе. Руководители сначала считали это резкостью, потом обнаруживали, что их собственные встречи стали короче.

Аня перешла к структуре выступления.

Он остался.

Она так и не включила камеру. В чёрном прямоугольнике время от времени мигал зелёный ободок, и Владислав ловил каждое движение её голоса: раздражение, когда дизайнер снова предложил «сделать побогаче»; усталость, когда юрист попросил вернуть уже удалённый абзац; короткий смех после слов Андрея, что три часа на финальный прогон — это «с запасом».

На тридцать седьмой минуте обсуждение ушло в цвета диаграмм.

Владислав взял договор, лежавший рядом, и подписал последние две страницы. Потом ответил на сообщение Крылова. Потом снова посмотрел на экран, потому что Аня сказала:

— Нет, золотой градиент не делает цифру дороже. Он делает её хуже читаемой.

— Анна, — устало произнёс дизайнер, — там фирменная палитра.

— В фирменной палитре семь цветов. Вы почему-то каждый раз выбираете тот, которым удобно красить дворцы.

Владислав выключил микрофон и рассмеялся.

Встреча закончилась в двенадцать ноль шесть. Андрей отключился первым, за ним исчезли юристы и финансисты. Чёрный квадрат Ани погас одним из последних.

Ирина появилась в кабинете прежде, чем Владислав за-

крыл ноутбук.

— Вы прослушали сорок пять минут про подписи, иллюстрации и градиенты.

— Тридцать восемь.

— Это многое меняет.

Она положила перед ним папку к встрече с Крыловым.

— Переносить больше ничего не нужно?

— Нет.

— На завтра у них внутренний прогон. Вас не приглашали.

— Я и не собирался.

Ирина кивнула, но папку не отпустила.

— Совсем?

— Ирина.

— Просто хочу понимать, следует ли оставлять окно.

— Не следует.

— Поняла.

Она дошла до двери.

— Ирина.

Помощница обернулась.

— Узнайте, у Анны всё в порядке с подключением. Камера не работала.

— У остальных работала.

— Я заметил.

— Разумеется.

Дверь за ней закрылась.

Владислав посмотрел на часы. До Крылова оставалось семь минут.

Он написал Ане сам.

«Камеру починили?»

Ответ пришёл, когда он уже открыл папку.

«Она не ломалась».

«Тогда почему я вас не видел?»

Три точки появлялись несколько раз. Аня явно писала, стирала и начинала заново.

«Потому что для обсуждения структуры достаточно звука».

Рабочий ответ. Безупречный и совершенно не правдивый.

«Мне было недостаточно».

Она прочитала сообщение и не ответила.

В кабинет вошёл Крылов. Следующие сорок минут Владислав обсуждал условия покупки логистического центра, слушал расчёты, один раз снял часы и положил на стол — после того как обнаружилось, что в документах третий раз не учли сервитут на подъездную дорогу. Крылов заметил движение и перестал рассказывать, что вопрос «почти решён».

Владислав не повышал голос. Он вообще редко кричал: крик отнимал время и давал людям возможность обидеться вместо того, чтобы отвечать. Он попросил назвать дату, фамилию ответственного и цену ошибки. Потом перенёс решение на среду и отпустил троих сотрудников, которые не могли добавить к разговору ни одной цифры.

Когда кабинет опустел, часы всё ещё лежали рядом с папкой.

Раньше Владислав снимал их только в двух случаях: в зале, чтобы металл не мешал запястью под нагрузкой, и перед разговором, в котором ему придётся особенно внимательно следить за собой.

Теперь появился третий.

Он вспомнил тёплое тело Ани в своих руках и застегнул ремешок резче, чем собирался.

Телефон лежал экраном вверх. Ответа по-прежнему не было.

«Как вы?»

Сообщение она прочитала почти сразу. Не ответила.

Через семь минут Владислав написал ещё одно:

«Обедали?»

И этот вопрос остался без ответа.

Владислав нажал на вызов.

* * *

Аня смотрела на его имя, пока экран не погас.

Она сидела за кухонным столом. На одном краю стоял ноутбук, на другом лежали пачка цветной бумаги, ножницы и тарелка с остывшей гречкой. Соня разговаривала по телефону в коридоре, Никита, средний сын, искал наушники и почему-то открывал для этого все кухонные шкафы.

Обычный понедельник. Совершенно неподходящий для разговора с мужчиной, который два дня назад снимал часы,

прежде чем положить обе руки на её тело.

Телефон замолчал.

Аня перевернула его экраном вниз и сразу ответила дизайнеру в общем чате. Потом редактору. Потом Андрею, который снова хотел вернуть на первый слайд слово «трансформация».

Три личных сообщения Владислава остались без ответа.

Второй раз он позвонил через сорок три минуты.

Аня снова смотрела на его имя до последней вибрации. Если разговор касался работы, Владислав мог написать об этом так же, как писали все остальные. Этот довод показался ей достаточно убедительным, чтобы не брать трубку.

Через две минуты в общем чате появился новый вопрос:

«Анна, на совете в пятницу блок открываете вы или Андрей?»

Она ответила раньше, чем успела подумать, кто именно спрашивает:

«Я. Андрей подключится к вопросам по договору».

Телефон зазвонил почти сразу.

На третий раз Аня ответила. Не потому, что звонок мог означать работу: он уже означал. Продолжать делать вид, что она не видит Владислава, после ответа ему в общем чате было слишком очевидно даже для неё.

— Да?

— Двадцать восемь секунд.

— Что?

— Столько вам понадобилось, чтобы ответить мне, когда я задал рабочий вопрос.

— Вы получили ответ.

— На три личных сообщения и два звонка — нет.

Он говорил почти тихо. От этого злость в его голосе слышалась ещё отчётливее.

— Рабочий чат у меня открыт, — сказала Аня.

— Я заметил.

— Тогда зачем звоните?

— Хочу понять, почему на вопрос клиента вы отвечаете сразу, а на «Как вы?» — нет.

— Вы и есть клиент.

— В общем чате — да.

Аня сильнее сжала телефон.

— Я не обязана отвечать на каждый личный вопрос.

— Не обязаны. Можете сказать, что не хотите разговаривать.

— Я не хочу об этом разговаривать.

— Уже лучше.

— Что лучше?

— Вы наконец ответили мне, а не общему чату.

Несколько секунд Аня слушала его дыхание в трубке.

— Почему не включили камеру? — спросил Владислав.

Она могла снова сказать про звук. Сослаться на связь, домашний беспорядок, необходимость ходить по квартире. Всё было правдой хотя бы наполовину.

— Не хотела на вас смотреть, — сказала она.

В трубке стало тихо.

— Почему?

— Вы прекрасно знаете.

— Хочу услышать.

— А я не хочу произносить.

Миша вбежал на кухню, остановился возле стола и громко спросил:

— Мам, а где синий картон?

— В пачке перед тобой.

— Тут голубой.

— Переверни.

Раздался шелест.

— А. Нашёл.

Он убежал.

Владислав молчал. Аня прижала телефон к уху плечом и отодвинула цветную бумагу.

— Вы ещё здесь?

— Да.

— Тогда не смейтесь.

— Я не смеюсь.

— Очень стараетесь?

— Немного.

Она услышала улыбку и сама не удержалась.

— Вот поэтому камера была выключена.

— Потому что я улыбаюсь?

— Потому что я помню, как вы выглядите не на рабочем созвоне. А мне нужно было объяснять людям, почему на первом слайде не будет золотой цифры.

— Вы объяснили убедительно.

— Вам не понравилось.

— Первые тридцать секунд — нет.

— А потом?

— Потом мне понравилось, что суббота не заставила вас со мной соглашаться.

Аня медленно провела пальцем по краю лежащего на столе листа.

— Ваша идея от поцелуев лучше не стала.

— Именно.

Он ответил слишком довольным.

— Вы странный человек, Владислав.

— Вы уже называли меня невозможным. Не понижайте оценку.

Никита нашёл наушники в кармане собственной толстовки и ушёл, оставив два шкафа открытыми. Она поднялась, закрыла дверцы и поставила гречку в микроволновку.

— Теперь это всё? — спросила она.

— Нет.

Рука замерла на кнопке.

— Что ещё?

— Хотел услышать вас без девяти человек.

Аня нажала кнопку. Микроволновка загудела слишком

громко.

— Вы только что слушали меня больше часа.

— Большую часть времени вы говорили о чужих задачах.

— А сейчас о чём должна?

— Не знаю.

Такого ответа она от него не ожидала. Владислав всегда знал, куда едет, зачем начинает разговор и что должно произойти дальше. Даже забота у него выглядела задачей, для которой он уже нашёл людей, машины и гостиницу.

— То есть вы добились, чтобы я ответила, а дальше у вас нет повестки? — уточнила Аня.

— Да.

— И как вы с этим живёте?

— Пока тяжело.

Микроволновка пискнула. Она достала тарелку и снова села.

— Вы сами обедали?

— Сейчас два часа.

— Это не ответ. Вы ко мне приставали с сэндвичем именно в два.

— Было около трёх.

— Тем более.

Владислав помолчал.

— Нет.

— Почему?

— Был на совещаниях.

— На нужных или опять на наших?

— На одном вашем. Оно было мне не нужно.

Аня поднесла вилку ко рту и остановилась.

— Вы могли выйти после своего блока.

— Мог.

— Но остались слушать про градиенты.

— Да.

— Зачем?

— Вы там были.

Он сказал это тем же тоном, каким минуту назад говорил о совещаниях. Аня не сразу нашла, чем закрыть такую простоту.

— Владислав, это же совершенно нерационально.

— Я знаю.

— Вы не любите тратить время зря.

— Не люблю.

— Тогда не понимаю.

— Понимаете.

Она взяла кусочек гречки. Есть расхотелось, но она упрямо прожевала.

Он мог хотеть снова поцеловать её. После субботы отрицать это было бы уже не скромностью, а глупостью. Мужчину могло тянуть к женщине — к её телу, голосу, тому, как она отвечает. Желание существовало сейчас. Оно ничего не обещало на следующую неделю и тем более не превращало её в женщину, ради которой Владислав Астахов однажды из-

менит собственную жизнь.

На совещании ему хотелось слышать её. Вот и всё.

Это объяснение тоже было опасным, но хотя бы не ска-
зочным.

— Больше так не делайте, — сказала она.

— Что именно?

— Не сидите час на встрече ради моего голоса. У вас на-
верняка есть дела полезнее.

— Есть.

— И?

— Завтра не приду.

Она почувствовала странное разочарование и сразу рас-
сердилась на себя.

— Вас и не приглашали.

— Тем проще выполнить просьбу.

Аня отодвинула тарелку.

— Я выбрала гостиницу на четверг.

— Какую?

Она назвала.

Владислав не сказал, что далеко, неудобно или он знает
лучше. Несколько секунд, судя по тихим щелчкам, что-то
проверял.

— От неё до офиса пятнадцать минут без пробок, — ска-
зал он. — Утром будет около сорока.

— Я выеду заранее.

— Напишите, когда заселитесь.

— Зачем?

— Хочу знать, что вы доехали.

— Я приеду на своей машине.

— Хорошо. Тогда просто хочу знать, где вы остановились.

— Вы опять собираетесь что-нибудь оплатить?

— Нет.

— Прислать водителя?

— Нет.

— Проверить номер?

— Аня.

Она замолчала.

— Я сказал, что не буду решать за вас. Вы выбрали гостиницу, поедете на своей машине и сами приедете в офис. Мне это не нравится, но я услышал.

— Тогда зачем адрес?

— Потому что в четверг вы проедете пятьсот пятьдесят километров. Если вечером не ответите, я хочу знать, куда звонить.

В тот момент Аня услышала в его голосе только честное беспокойство. Возможную угрозу в словах «если не ответите» предпочла не разбирать.

Она посмотрела на свою машину за окном. На Никиту, который проходил по двору, неся пакет из магазина. На рабочий чат, где уже появились три новых сообщения.

— Пришлю, — сказала она.

— Спасибо.

— И не надо приезжать вечером. Я буду поздно.

— Я не предлагал.

— Но собирались.

Владислав тихо выдохнул.

— Собирался.

— Не надо.

— Не буду.

Он принял и это. Не стал уточнять, не передумает ли она, не оставил удобную фразу на случай другого настроения.

Аня вдруг представила его одного в большом кабинете среди папок, встреч и людей, которым от него всё время было что-то нужно.

— Поешьте, — сказала она.

— Это приказ?

— Рекомендация специалиста, который видел вас на своём совещании совершенно без пользы.

— Хорошо.

— И не надо соглашаться таким голосом. Я слышу, что вы улыбаетесь.

— Камеру надо было включать.

Она рассмеялась.

После разговора она ещё несколько секунд сидела с телефоном в руке.

Третий вызов длился двадцать три минуты. Первые два остались пропущенными, три личных сообщения — без ответа. Аня посмотрела на всё это и перевернула телефон экра-

НОМ ВНИЗ.

Она открыла переписку и отправила адрес гостиницы.

Потом вернулась к остывающей гречке, цветной бумаге и золотому градиенту. Никаких отношений в её жизни не появилось. Был мужчина, который почему-то провёл лишние тридцать восемь минут на совещании, потому что хотел слышать её голос.

Аня закрыла чат. Названия у происходящего не было, а в голове ему уже не хватало места.

Глава 6. Не хочется отключаться

Во вторник Владислав не подключился.

Аня увидела список участников ещё до начала внутреннего прогона. Андрей, дизайнер, Игорь, редактор, она сама. Имени Владислава не было.

Так и должно было быть. Его не приглашали, она сама попросила не тратить время на встречи ради неё, а внутренний прогон агентства вообще не касался клиента до тех пор, пока команда не соберёт внятную версию.

Она поправила ворот тёмно-синего платья, проверила камеру и поймала себя на том, что всё равно смотрит в список.

Пусто.

Стало легче.

И немного хуже.

Она выключила собственное изображение в углу экрана, но камеру оставила включённой.

— Начинаем? — спросил Андрей.

Первые семь минут прошли спокойно. Она открыла презентацию, представила исходную проблему и дошла до карты регионов. На переходе к третьему слайду Андрей перебил:

— Здесь я бы добавил, что речь не о точечных улучшениях, а о системной трансформации всей модели.

Аня остановилась.

— Зачем?

— Чтобы поднять уровень разговора. Сейчас звучит слишком прикладно.

— Потому что мы предлагаем прикладные изменения.

— Ань, совету нужен масштаб.

— Совету нужно понять, что именно мы просим согласовать.

Андрей откинулся в кресле. За семь лет работы Аня научилась видеть момент, когда он ещё обсуждает, и момент, когда уже считает вопрос решённым. Сейчас наступил второй.

Раньше она бы записала формулировку, потом аккуратно сократила её до одной строки и поставила на слайд так, чтобы никто не заметил, насколько мало она значит.

— Давай ещё раз, — сказал Андрей. — Начни с приветствия, потом я подхватчу на стратегии.

— Нет.

Он не сразу понял, что она ответила.

— Что — нет?

— Не подхватывай. Если я не могу провести двадцатиминутную презентацию без того, чтобы ты забрал разговор на третьем слайде, в пятницу мне нет смысла садиться перед советом.

— Я не забираю. Мы работаем в паре.

— Тогда дай мне дойти хотя бы до конца первого прогона.

В конференции стало тихо. Дизайнер опустил глаза, но ка-

меру не выключил — видимо, происходящее оказалось интереснее любой срочной задачи.

Андрей провёл ладонью по подбородку.

— Хорошо. Иди до конца.

Аня начала сначала.

На пятом слайде она перепутала две цифры. На седьмом слишком быстро проговорила важный переход. На вопрос Игоря ответила раньше, чем он закончил, и потом трижды повторила слово «соответственно». Андрей всё записывал, но больше не перебивал.

Через двадцать две минуты она закрыла последний слайд.

— Теперь можно, — сказала она.

Замечаний оказалось много. Часть была точной, часть противоречила друг другу, два комментария Аня отвергла сразу. Андрей предложил убрать подробности по площадкам; она согласилась сократить, но настояла оставить один пример. Редактор попросил заменить слово «потери», Игорь — вернуть прогноз на первый слайд.

На втором споре она уже не смотрела на время. Подтянула ноутбук ближе, открыла расчёт и начала доказывать, почему текущая логика выдержит вопросы совета. Эта часть работы всегда возвращала силы быстрее кофе: не успевать за всеми, а видеть решение и не отдавать его только потому, что кому-то привычнее другое.

— Нет, — ответила она уже второй раз за час.

— Владислав Сергеевич вчера согласился с другой логи-

кой, — напомнил Андрей.

— Даже если бы не согласился, цифра всё равно стояла бы после решения. У нас есть аргументы, а не только его разрешение.

Андрей посмотрел прямо в камеру.

— Ты быстро привыкла спорить с заказчиком.

— Я спорила с ним со второго созвона.

Это было правдой. И всё же Аня поняла, что он говорит не только о слайде.

В пятницу Андрей видел, как Владислав приехал на площадку сам. Возможно, заметил больше, чем показывал. Аня не собиралась объяснять. Объяснять было нечего — кроме поцелуев, о которых на работе не должен был знать никто.

— Оставляем текущую логику, — сказал Андрей после паузы. — Вечером пришли мне запись.

На этом встреча закончилась.

Она закрыла ноутбук и только тогда почувствовала, как сильно устала. Спина ныла, ноги отекали даже после нескольких часов за столом. До капельницы оставалось два часа, а до неё ещё нужно было проверить правки, заказать детям продукты и доехать до клиники.

Телефон завибрировал.

Она посмотрела слишком быстро.

Не Владислав. Дизайнер прислал три варианта пятого слайда.

Аня выбрала второй, написала замечания и заставила себя

не открывать личную переписку.

Владислав сказал, что не придёт. Он не пришёл. Всё было правильно.

* * *

К семи вечера уже стемнело. На мокром дворе горели фара, к ступеням прилипли жёлтые листья, а на сгибе локтя снова белел пластырь.

Аня вернулась домой, поставила сумку в прихожей и медленно сняла кроссовки. После капельницы во рту оставался металлический привкус, хотелось лечь прямо на коврик возле двери и не двигаться хотя бы час.

Вместо этого она разогрела ужин, спросила Мишу, что задали и как прошёл день, ответила на два звонка и открыла презентацию на кухонном столе.

Без десяти восемь Владислав написал: «О прогоне».

В восемь двенадцать он позвонил.

На этот раз Аня ответила сразу. Рабочую причину разговора ей уже дали.

— Как прошёл прогон? — спросил он.

— Вы всё-таки нашли способ присутствовать, не присутствуя?

— Андрей прислал записку Ирине. Я ещё не смотрел.

— Тогда откуда знаете, что он прошёл?

— У вас стоял в календаре.

Она открыла рот и закрыла.

— Откуда у вас мой календарь?

— У меня нет вашего календаря. В плане подготовки, который вы разослали вчера, написано: вторник, четырнадцать ноль-ноль, внутренний прогон.

— А. Точно.

— Вы разочарованы?

— Мне стало легче.

— Жаль.

Она улыбнулась и села удобнее.

— Прогон прошёл плохо.

— Насколько?

— Я перепутала цифры, говорила слишком быстро и позволила Андрею остановить меня на третьем слайде.

— Позволили?

— Первый раз. Второй уже нет.

Владислав ненадолго замолчал.

— Что он хотел?

— Подхватить стратегию.

— Вы отдали?

— Нет.

— Хорошо.

Одно слово. Без восторга и поздравлений за то, что взрослая женщина сумела договорить собственную презентацию. Ане это понравилось больше похвалы.

— Я пока не уверена, что в пятницу будет так же легко.

— Сегодня было легко?

— Нет.

— Тогда сравнение неудачное.

Она посмотрела на свои пометки возле третьего слайда.

— Совет будет перебивать.

— Будет.

— Задавать вопросы не по порядку.

— Обязательно.

— И Андрей сядет рядом.

— Он ваш руководитель. Было бы странно посадить его в коридоре.

— Иногда вы совершенно не умеете поддерживать.

— Я умею. Просто вам сейчас нужна не поддержка.

— А что?

— Репетиция с человеком, который будет перебивать и задавать вопросы не по порядку.

Она посмотрела на часы.

— Сейчас?

— Нет. Вы только после капельницы.

Она невольно коснулась пластыря.

— Откуда вы знаете?

— На прошлой неделе. Вы говорили за завтраком.

Она действительно упомянула, что следующая капельница будет во вторник, а потом назвала день ещё раз в сообщении. Владислав запомнил то, что сама Аня уже успела забыть.

— Завтра в восемь, — предложил он. — Если будете нормально себя чувствовать.

— У меня правки до девяти.

— Тогда в девять.

— У вас нет других дел?

— Есть.

— Но вы снова собираетесь потратить час на мою презентацию.

— На этот раз моё присутствие будет полезным.

— Очень в этом уверены?

— Я знаю совет лучше вас.

С этим спорить было трудно.

— Хорошо. В девять.

— С камерой.

— Это обязательное условие?

— Нет. Просьба.

Она провела пальцами по чёлке. После дороги и капельницы волосы лежали как попало, лицо казалось бледнее обычного.

— Посмотрим.

— Договорились.

Он не стал уговаривать.

— Вы сейчас где? — спросила она.

Вопрос вырвался сам. Владислав тоже заметил: в трубке появилась короткая пауза.

— Еду домой.

— Уже поздно.

— Вы только что вернулись с капельницы и открыли пре-

зентацию.

— Откуда вы знаете, что открыла?

— Слышу, как вы нажимаете клавиши.

Аня убрала руку с ноутбука.

— Невыносимый человек.

— Вот. Вернули прежнюю оценку.

Она услышала шум поворотника, потом шорох шин. Владислав был где-то в вечерней Москве, за пятьсот пятьдесят километров, и всё равно его голос звучал слишком близко.

— Поезжайте внимательно, — сказала она.

— Вы обо мне беспокоитесь?

— Я беспокоюсь о презентации. Вы должны дожить до пятницы и подтвердить цифры.

— Разумно.

— Вот и хорошо.

— Аня.

— Что?

— Ложитесь сегодня раньше.

Она уже набрала воздух для возражения.

— Это просьба, — добавил он. — Не распоряжение.

Аня выдохнула.

— Постараюсь.

— Мне достаточно.

После звонка она не легла. Закрывает замечания к пятому слайду, ответила редактору и спросила Мишу, собрал ли он вещи на завтра. Но в половине одиннадцатого всё-таки вы-

ключила ноутбук — почти на час раньше обычного.

Не потому, что Владислав попросил.

Просто после капельницы действительно стоило отдохнуть.

* * *

В среду в десять пятнадцать Аня вошла в переговорную агентства и первым делом пересчитала людей.

Андрей, дизайнер, архитектор, представитель собственника площадки, двое технических подрядчиков, Денис Ковалёв и она. Восемь человек.

Владислава в списке участников не было.

Очную встречу поставили только накануне. После субботнего осмотра архитектор подготовил два варианта нового входа, собственник пересчитал стоимость, а без окончательного решения нельзя было собрать слайд о первом региональном центре. В пятницу его предстояло показать совету. Все, кто отвечал за цифры и планировку, оказались в одном городе; собирать их на экране Андрей не захотел.

Аня согласилась приехать в офис сразу.

Общая встреча была безопасной. Здесь ей не нужно было отвечать на личные сообщения, вспоминать дождь по крыше машины и решать, что означает мужчина, который потратил тридцать восемь лишних минут на золотой градиент только ради её голоса. В переговорной были работа, восемь человек и стол, достаточно широкий, чтобы никто не оказался слишком близко.

Она пришла раньше, разложила распечатки, проверила презентацию и поставила рядом с ноутбуком кружку кофе. На ней было бежевое платье с мягким запахом, белые кроссовки и длинный светлый жакет. Волосы Аня оставила распущенными, но уже дважды собирала их на затылке и снова отпускала.

— Ты нервничаешь? — спросил Андрей, подключая ноутбук к экрану.

— Из-за двух смет, в которых один и тот же вход отличается на четыре миллиона.

— Значит, всё нормально.

— Абсолютно.

Она действительно успокоилась, когда начали собираться остальные. Поздоровалась с архитектором, забрала у дизайнера обновлённый файл, уточнила у Дениса, согласовал ли финансовый блок Владислав. К десяти тридцати все места за столом были заняты.

Аня стояла возле экрана и объясняла техническому подрядчику, почему на схеме нельзя снова убрать служебный коридор ради красивой картинки, когда открылась дверь.

Владислав вошёл без спешки, будто его имя всё это время стояло в календаре.

Тёмные брюки, светлая рубашка, пальто на сгибе руки. Волосы после дороги лежали не так аккуратно, как на утренних совещаниях, щетина стала гуще. Часы были на запястье. За его плечом Андрей уже поднимался навстречу, Денис

освобождал соседнее кресло, а Аня продолжала говорить совершенно ровным голосом:

— Если мы уберём коридор, технику снова придётся вести через гостевой вход. Тогда новый маршрут вообще ничего не решает.

Она потянулась к кружке и промахнулась мимо ручки. Локоть задел керамику. Кружка качнулась к открытому ноутбуку.

Владислав оказался рядом раньше, чем кружка упала. Перехватил её одной рукой, второй отодвинул ноутбук.

Ни капли не пролилось.

— Осторожнее, — сказал он.

— Я вижу.

— Уже нет. Я поймал.

Аня забрала кружку и поставила дальше от компьютера.

— Спасибо, Владислав Сергеевич.

Его взгляд задержался на ней на секунду дольше необходимого.

— Пожалуйста, Анна.

Он сел рядом с Денисом.

Аня открыла первый слайд — и больше не ошиблась ни разу.

Следующие два часа она была той Анной Сафоновой, которую знали на работе. Остановила архитектора, когда тот начал объяснять планировку вместо ответа на вопрос о сроках. Нашла в двух сметах разные площади остекления. За-

ставила технического подрядчика назвать дату, а не «ориентировочно вторую половину месяца». Поменяла местами два слайда и вычеркнула абзац, который красиво рассказывал о доступности, но не объяснял, как человек на коляске попадёт от парковки к главному входу.

Владислав сначала смотрел с едва заметной усмешкой — той самой, которая появилась после кружки. Потом усмешка исчезла.

Он слушал.

На сороковой минуте предложил вынести на совет оба варианта входа.

— Нет, — сказала Аня.

Денис повернулся к ней. Андрей перестал листать распечатки.

— Почему? — спросил Владислав.

— Потому что совет начнёт выбирать между двумя вариантами и не примет модель регионального центра. Нам нужно прийти с решением, посчитать его и попросить согласовать принцип. Планировку вы можете утвердить сами.

— Второй вариант дешевле.

— И не решает проблему разгрузки. Через полгода вы заплатите разницу за переделку, только уже в работающем здании.

— Уверены?

— Да.

Владислав несколько секунд смотрел на неё поверх стола.

— Тогда оставляем первый.

Аня кивнула дизайнеру, и на экране появился следующий слайд.

Ни сердце, ни пальцы больше не мешали. Пока между ними лежали сметы, сроки и восемь чужих взглядов, Владислав снова был крупнейшим клиентом агентства, а она — человеком, который знал проект лучше всех в комнате.

Совещание закончилось в двенадцать двадцать.

Андрей закрыл ноутбук и повернулся к Владиславу.

— Спасибо, что нашли время приехать лично. Мы ожидали Дениса.

— Денис здесь, — сказал Владислав.

— Именно поэтому и не ожидали вас.

Владислав посмотрел на Аню.

— Хотел увидеть финальный вариант до совета.

Она слышала только рабочий смысл. По крайней мере, очень постаралась.

Люди начали подниматься. Архитектор обсуждал с собственником документы, дизайнер собирал провода, технический подрядчик уже говорил по телефону в коридоре. Аня сложила распечатки в чёрную папку и решила, что самое сложное прошло.

Владислав подошёл к ней.

— Дайте расчёт по первому варианту.

— Он у вас в почте.

— Знаю. Дайте папку.

Аня протянула её. Владислав взялся за край, коснулся её пальцев, и она отпустила раньше, чем он успел перехватить.

Папка накренилась.

Он поймал её второй рукой. Ни один лист не выпал.

Посмотрел сначала на папку, потом на кружку возле ноутбука.

— Второй.

— Что — второй?

— Ничего. Пока веду статистику.

— Она просто выскользнула.

— Конечно.

Теперь Владислав улыбался открыто.

Аня отвернулась к дизайнеру и спросила, успеет ли тот до трёх поправить подпись на схеме. Потом помогла собрать провода, хотя обычно никогда не трогала чужую технику. Уточнила у архитектора уже согласованную дату. Нашла у Андрея ошибку в письме, которое он ещё не отправил.

Владислав никуда не уходил.

Его телефон завибрировал. Он посмотрел на экран и ответил:

— Да, Ирина.

Голос сразу стал холоднее и короче.

— Крылов уже в переговорной?.. Подключусь через пятнадцать минут. Без меня не начинайте.

Он убрал телефон.

Фамилия ей ничего не говорила. Но в Москве Владислава

уже ждали люди, а он по-прежнему стоял в переговорной её агентства за пятьсот пятьдесят километров от собственного кабинета.

Она тут же нашла разумное объяснение. Для видеосвязи расстояние не имело значения. Он мог подключиться откуда угодно.

Последним собрался уходить Андрей. Архитектор попросил показать ему соседнее здание, и Андрей посмотрел на часы.

— Ань, ты с нами?

— Да, конечно.

Она ответила слишком быстро.

— Твоё пальто в малой переговорной, — напомнил он.

— Сейчас возьму.

Аня вышла в соседнюю комнату, надела пальто, перекинула сумку через плечо и вернулась.

Коридор уже опустел.

Владислав стоял возле двери в большую переговорную. Пальто снова было у него на руке, чёрная папка — в другой. Андрей с архитектором успели уйти к лифту.

— Мне нужно идти, — сказала Аня.

— Вижу.

Она попыталась обойти его справа. Владислав не двинулся, но пространства между ним и дверным косяком всё равно не хватило. Аня отступила, повернулась в другую сторону и зацепилась носком кроссовки за ножку стула, который

сама же отодвинула к стене.

Пол качнулся.

Владислав поймал уже её.

Одна рука сомкнулась на талии, вторая удержала за предплечье. Он притянул Аню к себе прежде, чем она успела выставить ладонь. Щекой она почти коснулась его груди.

— Третий, — произнёс он над её головой.

В голосе была усмешка.

— Отпустите.

— Сначала убедитесь, что стоите.

— Я прекрасно стояла, пока вы не встали на дороге.

— Всё совещание провели идеально.

— Спасибо.

— Восемь человек, две сметы и три спорных решения вас не смутили.

— Они умеют вести себя на рабочих встречах.

— Я тоже ничего не сделал.

— Ты приехал.

Слова вырвались раньше, чем Аня услышала обращение.

Владислав перестал улыбаться.

Пальцы на её талии сжались сильнее. Не больно — достаточно, чтобы она снова почувствовала под ними мягкость собственного тела и вспомнила, как эта же рука держала её в машине у озера.

— И этого достаточно? — спросил он.

Аня отвела взгляд.

— Это не то, что я хотела сказать.

— Я понял именно то.

Она попыталась отстраниться. Владислав отпустил её предплечье, но ладонь с талии не убрал.

— Вы меня избегаете.

— Я только что два часа разговаривала с вами.

— С Владиславом Сергеевичем.

— Вы и есть Владислав Сергеевич.

— Не у озера.

По коже под его ладонью прошла дрожь. Владислав почувствовал.

— Здесь работа, — сказала Аня.

— Совещание закончилось.

— Поэтому мне пора.

— Поэтому вы опять убегаете.

— Я не убегаяю.

— В понедельник вы оставили без ответа три сообщения и два звонка. На мой вопрос в общем чате ответили за двадцать восемь секунд.

Она подняла на него глаза.

— Вы ведёте учёт?

— Да.

— На третий звонок я ответила.

— После того как сами доказали, что держите телефон в руках. Вчера ответили сразу, когда я заранее написал: «О прогоне».

Аня ничего не сказала.

— Вам нужна рабочая причина, чтобы разрешить себе разговаривать со мной, — продолжил Владислав. — Поэтому сегодня вы посадили между нами восемь человек.

— Я их не сажала. Это общее совещание.

— Идеальное для вас.

Он видел всю систему. Общий чат, выключенную камеру, два пропущенных звонка, людей вокруг, попытку уйти вместе с Андреем. Один за другим нашёл все аккуратные способы, которыми Аня возвращала его в рабочую часть собственной жизни.

— Мне нужно время, — сказала она.

— Берите.

— Вы не оставляете.

— Оставляю. Но не позволяю вам молчанием решить за нас обоих, что ничего не было.

— А если я решу, что мне это не подходит?

— Скажете мне.

— И вы остановитесь?

— Если это будет ваш ответ, а не ещё одно безопасное объяснение за меня.

Аня напряглась.

— Я за вас ничего не объясняю.

— Объясняете. Что у меня слишком много работы, водителей и возможностей решить любой вопрос. Что мужчина вроде меня не станет всерьёз связываться с женщиной в дру-

гом городе, у которой трое детей и нет сил пройти от парковки до ресторана.

Он произнёс это без жалости. Жёстко и точно, называя мысли, которые Аня старательно не складывала в одну фразу.

— Вы не знаете, что я думаю.

— Тогда перестаньте решать за меня, подходите вы мне или нет. С этим я справлюсь сам.

— А я могу решить, хочу ли всего остального.

— Можете. Скажите «нет» — я услышу. Но вы не сказали.

Она и сейчас не смогла.

Владислав чуть наклонился. Его лицо оказалось ближе, щетина — на расстоянии одного движения. Он не поцеловал.

— В следующий раз вы ответите, — сказал он. — Хотя бы одним словом.

— Это приказ?

— Да.

— А если не отвечу?

— Приеду.

Аня коротко рассмеялась — не от веселья, от невозможности сказанного.

— Владислав, между нами пятьсот пятьдесят километров.

— Вы правильно меня слышали.

— У вас работа. Люди сейчас ждут вас в Москве.

— У меня очень много работы. Поэтому, если вы ещё раз проигнорируете мой звонок или сообщение, я потрачу день,

приеду и выясню лично, что с вами.

— А если со мной всё в порядке?

Большой палец медленно прошёл по её талии.

— Тогда вы объясните, зачем заставили меня ехать.

— Значит, пятьсот пятьдесят километров — наказание за непослушание?

— Нет. Дорога будет моим наказанием.

Взгляд Владислава опустился к её губам и снова поднялся.

— Ваше начнётся после того, как я пойму, что вы в порядке.

У Ани пересохло во рту.

— Вы невыносимы.

— Зато вы больше не сомневаетесь, правильно ли поняли.

Он наконец убрал руку с её талии и отступил.

Комната сразу стала слишком просторной.

— В девять репетиция, — сказал Владислав.

— Я помню.

— С камерой.

— Вы сказали, что это просьба.

— Просьба. Приказ касался ответа на звонки.

Аня поправила пальто и подняла сумку выше на плечо.

— Зачем вы всё-таки приехали?

— Хотел увидеть финальный вариант.

— Он был у вас в почте.

— Был.

Телефон снова завибрировал. Владислав посмотрел на

имя и ответил уже на ходу:

— Да, Ирина. Подключаюсь.

Он вошёл в переговорную и открыл ноутбук.

— Крылов, добрый день. Начинайте с цены ошибки, — услышала Аня уже из коридора.

Аня вышла из офиса.

На улице было холодно. У входа стояла чёрная машина, за рулём ждал Алексей. На заднем сиденье лежали ещё две папки, зарядка и дорожный термос. Владислав приехал к ней между одной сделкой и другой, пересобрав день так, что работа продолжалась в дороге.

Но Аня всё равно сказала себе: он хотел увидеть финальный вариант.

Так было безопаснее.

* * *

Вечером без пяти девять Аня установила ноутбук на две книги и включила камеру.

Она успела принять душ, высушить волосы и переодеться в мягкое домашнее платье тёмно-зелёного цвета. Не ради Владислава. В растянутой футболке было неудобно репетировать выступление перед советом директоров.

Самой себе это объяснение показалось слабым, но другого она искать не стала.

В восемь сорок восемь Владислав написал: «Дома».

Она ответила сразу: «Хорошо».

Владислав подключился ровно в девять.

Он был не в кабинете. За спиной виднелась светлая кухня, тёмное окно и часть большой комнаты без лишней мебели. На нём была чёрная футболка. Волосы оставались влажными после душа, щетина за последние дни стала заметнее. Часов на руке не было.

Аня сразу посмотрела на запястье.

— Мешают? — спросила она.

Владислав проследил за её взглядом.

— Дома не ношу.

— А я уже решила, что вы заранее злитесь на мою презентацию.

— Пока нет. Начинайте.

Он сел ближе к экрану и сложил руки на столе.

Первые два слайда Владислав слушал молча. На третьем перебил:

— Почему мы должны верить, что проблема вообще существует? У филиалов хорошие показатели.

Аня ответила.

На четвёртом он спросил, сколько будет стоять первый год. На пятом потребовал объяснить разницу между прогнозом и обещанием. На шестом заявил, что не видит причин начинать с четырёх городов, если можно ограничиться одним.

Он не играл доброжелательного слушателя. Не давал закончить длинную фразу, возвращал к цифрам, один раз сказал: «Это вы сейчас ответили себе, не мне». Аня сначала ста-

ралась держаться текста, потом закрыла заметки и заговорила без них.

— Если начать с одного города, вы проверите только площадку, — сказала она. — Нам нужно проверить модель. Один сильный руководитель вытянет провальный процесс, и вы получите красивый отчёт, который невозможно повторить.

— Значит, вы заранее не доверяете региональным директорам.

— Я заранее не доверяю системе, которая держится на личном героизме. В том числе моём.

Аня произнесла последнее слово и только тогда поняла, что говорит уже не только о системе.

Владислав перестал листать распечатку.

— Продолжайте.

Она продолжила.

На последнем слайде он спросил, кто отвечает за результат через полгода.

— Проектный офис, — ответила она.

— Кто конкретно?

— Со стороны агентства — я.

— Это написано в документах?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что договор заключён с агентством, а внутренние роли определяет Андрей.

— На совете спросят имя.

— Тогда я назову своё.

Владислав молча посмотрел на неё.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Это был правильный ответ.

Она сразу насторожилась.

— Для проекта?

— Для вас.

— Мы опять начинаем?

— Нет. Презентация стала лучше, когда вы перестали пытаться произнести её без единой ошибки.

— Очень обнадеживает.

— Вы перепутали два названия городов.

— Я заметила.

— Совет тоже заметит. Исправите и пойдёте дальше. Там нет людей, которые никогда не ошибаются. Там есть несколько человек, которые любят использовать чужую ошибку, чтобы занять разговор собой.

Она взяла ручку и записала последнюю фразу на полях.

— Это не для слайда, — сказал Владислав.

— Я знаю. Это мне.

Он кивнул.

— Ещё раз с начала?

— Нет.

— Почему?

— Потому что второй раз подряд вы будете отвечать на

мои вопросы, а не на вопросы совета. Завтра пройдем ещё один раз с другими.

— Завтра я буду в дороге.

— Во сколько выезжаете?

— После обеда. Хочу приехать до ночи.

Владислав посмотрел на неё поверх экрана.

— Водителя не предлагаю.

— Невероятный прогресс.

— Но позвоните, когда остановитесь отдохнуть.

— Зачем?

— Аня.

— Хорошо. Напишу.

Она ожидала, что после этого он попрощается. Рабочая часть закончилась, вопросы разобраны, следующий прогон назначен. Но Владислав остался в кадре.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

Из комнаты к Ане донёсся грохот, потом голос Миши:

— Мам! Он упал, но не сломался!

Она закрыла глаза.

— Что именно? — крикнула в ответ.

— Не знаю!

Владислав отвернулся, но Аня всё равно увидела улыбку.

— Даже не начинайте, — предупредила она.

— Я молчу.

— Вот и молчите.

Она вышла из-за стола. На полу в комнате лежала короб-

ка с конструктором, рядом Миша рассматривал уцелевшую башню. Аня поставила коробку на место, попросила убрать детали и вернулась.

Владислав по-прежнему был на экране. Теперь стоял у кухонного шкафа и доставал тарелку.

— Вы не ужинали, — сказала она.

— Нет.

— Уже почти десять.

— Я умею смотреть на часы.

— Но часов на вас нет.

Он оглянулся на экран.

— Вы сейчас мстите мне за сэндвич?

— Даже не начинала.

Владислав открыл холодильник. Аня увидела контейнеры, молоко, яйца, несколько овощей и почти пустую верхнюю полку.

— У вас грустный холодильник, — сказала она.

— Меня редко оценивают по содержимому холодильника.

— Просто обычно женщины не добираются до кухни?

Аня постаралась спросить легко, но пальцы замерли на краю листа.

Владислав достал яйца и помидоры.

— Обычно я не звоню им из кухни.

Аня опустила глаза к своим пометкам.

— Мы репетировали презентацию.

— Закончили семь минут назад.

Она посмотрела на время в углу экрана.

Действительно семь.

— Тогда зачем вы ещё здесь?

— Готовлю ужин.

— Для этого я не нужна.

— Не нужны.

Владислав поставил сковороду на плиту.

Он снова соглашался — и не отключался.

Аня могла нажать красную кнопку сама. Вместо этого закрыла презентацию, убрала ручку и подперла щеку ладонью.

— Вы хотя бы готовить умеете?

— Сейчас узнаем.

— Обнадёживает.

— Яичницу испортить трудно.

— Вы недооцениваете людей.

Он разбил яйца одной рукой. Скорлупа не попала в сковороду.

— Потрясающе, — сказала она. — Владелец холдинга умеет разбивать яйца. Срочно добавим в презентацию.

— После восемнадцати процентов.

Она рассмеялась.

Владислав готовил без суеты. Нарезал помидор, нашёл сыр, убрал продукты обратно. Не выглядел мужчиной, который демонстрирует редкий бытовой навык. Он просто вернулся поздно в пустой дом и делал себе ужин.

Эта обычность задела Аню сильнее машины, водителей и

дорогих часов.

Красивого уверенного мужчину можно было оставить в другой реальности — в переговорных, ресторанах, загородных проектах. Мужчина в чёрной футболке, который стоял босиком на собственной кухне и слушал, как у неё в соседней комнате рассыпается конструктор, почему-то оказывался ближе.

Слишком близко.

— Покажете фотографию? — спросил Владислав, ставя тарелку на стол.

— Какую?

— Мою. У озера.

— Зачем?

— Хочу увидеть.

— Вдруг вам не понравится.

— Вы не удалили. Значит, вам понравилась.

Она посмотрела на ноутбук. После субботы несколько раз открывала снимок в отдельной папке: поправила свет, немного убрала лишнее пространство справа, вернула и снова убрала цвет. В итоге оставила всё почти как было.

— Я потом пришлю, — сказала она.

— Почему не сейчас?

— Потому что вы будете смотреть при мне.

— В этом и смысл.

— Для вас.

Владислав отрезал кусок яичницы.

— Пришлѐте потом.

Он снова не стал уговаривать. Она почувствовала одновременно облегчение и нелепую обиду на то, что от неё так легко отступили.

— Подождите, — сказала она.

Открыла на ноутбуке папку и развернула фотографию на весь экран.

Владислав сидел на краю багажника, растрѐпанный ветром, большой и непривычно спокойный. Свет лежал на волосах и щетине. Но главным получился взгляд — направленный не в объектив, а чуть в сторону, на женщину за камерой.

Она повернула ноутбук к нему.

Владислав наклонился ближе. Несколько секунд рассматривал молча.

— Пришлите.

— Вам правда нравится?

— Да.

— Вы там не смотрите в камеру.

— Я смотрю на вас.

Она знала. Именно поэтому и не хотела отдавать снимок.

— Аня.

— Что?

— Пришлите фотографию.

— Ладно.

Она отправила открытый файл в их переписку. Владислав сразу открыл сообщение. На его лице ничего не изменилось,

только взгляд задержался на экране дольше, чем требовалось.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Вы давно не снимали людей?

— Полтора года.

Он понял, от какой даты она считает, и не задал следующего вопроса.

— Почему меня сняли?

— Вы попали в кадр.

— Разумеется.

— Не соглашайтесь таким тоном.

— Каким?

— Будто знаете другой ответ.

— Я знаю.

Она провела пальцем по кнопке камеры.

— И какой же?

— Вы на меня смотрели.

— Фотографы обычно смотрят на то, что снимают.

— Сначала вы смотрели без камеры.

Она не нашлась, что ответить.

Владислав доел, отнёс тарелку к раковине и вернулся. Рабочих причин оставаться больше не было совсем. Аня слышала, как Соня прошла по коридору, как за стеной включили воду, как Миша снова позвал её и передумал на середине слова.

— У вас всегда так тихо? — спросила она.

Владислав оглянулся на комнату за спиной.

— Обычно да.

— Вам нравится?

— Раньше нравилось.

Аня не ожидала такой честности и сразу отвела разговор в сторону.

— Значит, я мешаю вам наслаждаться тишиной уже почти час.

— Час двенадцать минут.

— Вы считали?

— Время написано в углу экрана.

Она вспомнила их первый разговор о часах и улыбнулась.

— Вам завтра рано вставать.

— Вам тоже.

— Тогда пора заканчивать.

— Пора.

Ни один не нажал кнопку.

Аня смотрела на его лицо в прямоугольнике экрана. На влажные волосы, уже начавшие высыхать и падать на лоб. На широкие плечи под чёрной тканью. На пустую кухню за спиной.

Ей хотелось дотронуться. Память услужливо вернула ощущение мягких прядей между пальцами.

— Спокойной ночи, Аня, — сказал Влад.

— Спокойной ночи, Влад.

Он отключился первым.

Экран потемнел, и в нём осталось отражение Ани: домашнее платье, усталое лицо, чёлка, которую она уже час неправляла.

Она закрыла ноутбук.

Ничего невозможного не произошло. Владислав помог ей подготовиться к совету, поужинал, попросил фотографию. Обычный вечер двух взрослых людей, которым почему-то не хотелось заканчивать разговор.

Аня могла поверить в этот вечер, пока не пыталась представить следующий.

Поэтому представлять не стала.

Глава 7. До утра

В четверг в двенадцать сорок семь Владислав прислал одно слово:

«Выехала?»

Аня стояла посреди спальни с зарядкой в одной руке и косметичкой в другой. Раскрытый чемодан лежал на кровати. Рядом висело тёмно-синее платье, которое она собиралась надеть на совет, и уже десять минут Аня решала, нужны ли к нему вторые туфли.

Она набрала: «Собираюсь выезжать, как и говорила», перечитала и убрала вторую часть.

«Дома. Через двадцать минут выезжаю».

Ответ пришёл сразу:

«Поздно».

Она посмотрела на часы.

«Мы договаривались после обеда».

«После обеда уже наступило».

«Спасибо. Без вас я бы не разобралась».

Три точки появились и исчезли.

«Позвоните, когда остановитесь».

Она хотела напомнить, что обещала написать, а не звонить. Потом представила, сколько времени потратит на спор, бросила телефон в сумку и наконец выбрала первые туфли.

Соня ждала в коридоре. Прислонилась к стене, скрестила

руки и молча посмотрела сначала на чемодан, потом на Аню.

— Что?

— Просто смотрю.

Соня снова посмотрела на чемодан.

— Ты раньше на рабочие встречи так не собиралась.

Она поправила ремень сумки на плече.

— У меня совет директоров.

— Я знаю.

Соня продолжала смотреть. Аня первой отвела глаза, проверила, взяла ли ключи, и начала перечислять то, что уже написала в семейном чате: деньги на продукты переведены, ужин в холодильнике, список дел оставлен, вернётся она в субботу.

— Мам, — перебила дочь. — Мы справимся.

Она замолчала.

— Я знаю.

— Тогда езжай уже. Ты опоздаешь на своё «через двадцать минут».

На улице Никита забрал у неё чемодан и положил в багажник. Миша потребовал привезти что-нибудь «не московское, а нормальное» и не смог объяснить, что именно. Аня обняла всех по очереди, села за руль и только после этого заметила новое сообщение.

«Выехали?»

Она сфотографировала руль и отправила без подписи.

Владислав ответил:

«Теперь да».

Первые сто километров Аня злилась. На него — за то, что следил за временем так, будто дорога каким-то образом стала его делом. На себя — за то, что после среды всё-таки ответила почти сразу. На навигатор, который дважды предложил свернуть на ремонтируемую трассу. Потом город остался далеко позади, по сторонам потянулись поля, и злость стала слабее. Октябрьский день быстро гас: после второй заправки поля исчезли в темноте, по стеклу потянулись редкие капли, а фары выхватывали только мокрую разметку и пустую обочину. В машине пахло кофе, печеньем и тёплым воздухом печки.

Рабочие сообщения приходили одно за другим. Андрей попросил ещё раз проверить цифры по Казани. Дизайнер прислал финальный файл с пометкой «точно финал». Через пять минут редактор нашла лишнюю запятую на слайде, который вчера согласовали без замечаний.

Аня отвечала только на заправках. После второй написала Владиславу название заправки, сообщила, что купила кофе и собирается ехать дальше.

Телефон сразу зазвонил.

— Я обещала написать, — сказала она вместо приветствия.

— Вижу.

— Тогда зачем звоните?

— Вы поели?

Она посмотрела на стакан кофе и упаковку печенья на соседнем сиденье.

— Да.

— Что?

— Владислав, я не буду отчитываться о каждом бутерброде.

— Значит, бутерброда не было.

Она открыла упаковку печенья, взяла одно и демонстративно откусила, хотя он не мог увидеть.

— Было печенье.

— Купите еду.

— Вы звоните мне за пятьсот километров, чтобы распорядиться моим ужином?

— Сейчас между нами триста двадцать восемь километров.

— Вы считали?

— У меня есть карта.

Аня прикрыла глаза.

— Иногда я понимаю людей, которые вас боятся.

— Вы меня не боитесь.

— Это пока.

— Купите еду, Анна.

Он отключился прежде, чем она успела снова возразить.

Аня несколько секунд смотрела на экран. Потом всё-таки вернулась в здание за сэндвичем. Не потому, что Владислав приказал. Просто печенье действительно было плохим ужи-

ном, а ехать оставалось почти четыре часа.

Перед выездом Аня откинула спинку, поставила таймер на двадцать минут и закрыла глаза. Уснула раньше, чем успела решить, что это лишнее. После сигнала ещё несколько минут сидела неподвижно и только потом вернулась на трассу.

К гостинице она подъехала в девять двадцать три.

Навигатор привёл во двор между двумя офисными зданиями. Аня дважды объехала парковку, нашла последнее свободное место у стены и ещё минуту сидела в машине, собираясь с силами. После дороги гудели ноги, затекла спина, пальцы плохо разгибались после руля.

Телефон лежал в подстаканнике. Она не написала, что приехала.

Хотелось хотя бы десять минут никому ничего не сообщать.

Аня вышла, достала чемодан и медленно покатила его к стеклянным дверям. Колесо застряло в щели между плитками. Она дёрнула сильнее, чем требовалось, чемодан накрепился, и чужая рука перехватила ручку.

— Отдайте, — сказала она, ещё не подняв головы.

— Нет.

Она замерла.

Владислав стоял перед ней без пальто, в тёмном костюме и расстёгнутой у горла рубашке. Волосы после долгого дня уже не лежали аккуратно, на лице проступила усталость. Часы были на руке, в свободной ладони он держал большой бу-

мажный пакет.

— Что вы здесь делаете?

Он поставил чемодан ровно.

— Встречаю вас.

— Я не пропала.

— Вижу.

— Тогда ваше предупреждение здесь ни при чём.

— Ни при чём.

— Я просила не приезжать.

— Помню.

— Вы сказали «хорошо».

— Тогда я собирался не приезжать.

— А потом?

Владислав посмотрел ей в лицо так, будто ответ был очевиден.

— Захотел вас увидеть.

Ни извинения, ни попытки объяснить, почему его желание оказалось важнее договорённости. Он просто забрал чемодан и пошёл к дверям.

Аня осталась возле парковки.

Владислав обернулся.

— Вы идёте?

— Я ещё не решила.

— Нет. Вы пытаетесь придумать, как правильно отреагировать.

— И это, по-вашему, одно и то же?

— Нет. Поэтому я жду.

Он действительно остановился. Не вернулся, не начал уговаривать и не отдал чемодан. Просто стоял у входа, уверенный, что через несколько секунд она пойдёт следом.

Самым неприятным было то, что он оказался прав.

В холле за стойкой сидели две женщины. Обе посмотрели сначала на Владислава, потом на Аню. Она мгновенно увидела себя их глазами: уставшая после дороги, в мягких брюках и длинном кардигане, с растрёпанной чёлкой рядом с мужчиной, которого трудно было не заметить.

Владислав не посмотрел на них вообще.

Подошёл к стойке, поставил чемодан возле её ноги и ждал, пока Аня покажет паспорт. Когда администратор назвала номер, снова взял ручку.

— Я сама донесу.

— Знаю.

— Тогда отдайте.

— Нет.

Администратор опустила глаза в компьютер. Она почувствовала, как начинают гореть щёки.

В лифте они остались вдвоём.

— Теперь вся гостиница решила, что вы приехали ко мне на ночь.

— Вся гостиница — это две женщины за стойкой.

— Этого достаточно.

— Для чего?

Она открыла рот и не нашла ответа. Для сплетни? Для чужого вывода? Для того, чтобы незнакомые люди подумали о ней то, о чём она сама боялась думать?

— Вам действительно всё равно, что они решили?

— Да.

— Совсем?

— Я не знаю этих женщин и больше их не увижу. Почему меня должно касаться, что они подумали?

Двери открылись.

Аня вышла первой. Она знала, что этот ответ будет вспоминаться ей ещё долго. Владислав не совершал усилия, чтобы не зависеть от чужого взгляда. Ему просто не приходило в голову сначала посмотреть на себя со стороны, а уже потом сделать то, чего хотелось.

У номера Аня приложила карту к замку. Открыла дверь и повернулась.

Владислав ждал.

— Вы собираетесь войти?

— Да.

— А если я скажу, что устала?

— Вы устали.

Он взялся за ручку двери поверх её ладони и шире открыл номер.

Аня отступила, пропуская его.

Комната оказалась небольшой: кровать, стол возле окна, кресло и узкий шкаф. Владислав поставил чемодан на под-

ставку, снял пиджак и повесил на спинку кресла так естественно, будто бывал здесь раньше.

Владислав поставил большой бумажный пакет на стол.

Она посмотрела на него.

— Вы ещё и еду принесли?

— Да.

— Я поела.

— Сэндвич четыре часа назад.

— Вы невозможный человек.

— Садитесь.

Он доставал контейнеры, тарелки и приборы, пока Аня снимала кардиган. В пакете оказались тёплый суп, мясо с овощами и маленькая коробка с десертом. Не ресторанный ужин с шестью приборами, а обычная еда, которую можно было есть в гостиничном номере после дороги.

— Откуда вы знали, что я приеду именно сейчас?

— Вы написали с заправки.

— И?

— Я прибавил время по карте и двадцать минут на то, что вы будете ехать медленнее после темноты.

— Я не ехала медленнее.

— Зря.

Аня хотела возмутиться, но запах еды оказался сильнее. Она села на край кровати, взяла тарелку и только после первых нескольких ложек поняла, насколько была голодна.

Владислав устроился в кресле напротив. Сам почти не ел.

Смотрел на неё спокойно и слишком внимательно.

— Не надо следить, сколько я съела.

— Я не слежу.

— А что вы делаете?

— Смотрю.

Она опустила ложку.

— Зачем?

— Потому что хотел вас увидеть. Я уже отвечал.

Аня снова принялась за суп. Рядом с Владиславом любой прямой вопрос неожиданно становился опасным. Он не прятал ответ в шутке, не оставлял ей возможности решить, что она неправильно поняла. Просто говорил правду и ждал, что она сама с ней сделает.

На столе мигнул экран ноутбука.

Аня сразу потянулась к нему.

— Дизайнер прислал обновление.

Владислав накрыл крышку ладонью.

— Нет.

— Там финальная версия.

— Предыдущая тоже была финальной.

— Я должна проверить.

— Утром проверите.

— Утром совет.

— Поэтому сейчас вы доедите, примете душ и ляжете спать.

Она посмотрела на его руку поверх ноутбука.

— Вы приехали, чтобы командовать моим вечером?

— Нет. Я приехал, потому что хотел вас увидеть. Вечером я команду заодно.

— Очень удобно.

— Мне — да.

Он даже не улыбнулся.

Она взяла телефон, открыла файл на маленьком экране и быстро пролистала слайды. Владислав не пытался отнять его. Просто дождался, пока она убедится, что ничего не уехало, и протянул руку.

— Что?

— Телефон.

— Зачем?

— Положу заряжаться.

— Я сама могу.

— Можете.

Ладонь осталась протянутой.

Аня отдала телефон.

— Ненавижу, когда вы так делаете.

— Как?

— Ведёте себя так, будто всё равно получите то, что хотите.

Владислав подключил зарядку возле кровати.

— Обычно получаю.

— Это должно было прозвучать невыносимо самоуверенно?

— Это просто факт.

Она доела. Он собрал контейнеры обратно в пакет, оставил воду на тумбочке и посмотрел на часы.

— Завтра в восемь я буду внизу.

— Я приеду на своей машине.

— Нет.

Она подняла голову.

— Мы это уже обсуждали.

— Обсуждали.

— И вы согласились.

— Я согласился не присылать водителя. Приеду сам.

— Какая тонкая разница.

— Машина останется на парковке. После совета вернёмся за ней.

Он не спрашивал, подходит ли ей план. Уже составил его, учёл пробки, гостиницу и её усталость после дороги.

— А после совета? — спросила она прежде, чем успела остановиться.

Владислав встал.

Комната сразу стала меньше. Он подошёл, забрал у неё пустую тарелку и поставил на стол. Потом остановился между её коленями.

— После совета вы поедете со мной.

— Куда?

— Вы знаете.

Она подняла голову. Щетина на его лице стала гуще, чем

в субботу. От рубашки пахло холодным воздухом, дорогим парфюмом и им самим — запахом, который она помнила возле озера.

— Вы опять всё решили?

— Да.

— А меня спросить?

Владислав положил ладонь ей на шею. Большой палец медленно провёл под ухом.

— Вы всё равно ответите не то, чего хотите.

Возмущение должно было прийти первым. Вместо него по коже под его пальцами прошла горячая дрожь.

— Очень удобно считать, что вы знаете лучше.

— Мне не удобно. Мне надоело ждать, когда вы перестанете объяснять меня работой, дорогой и случайностью.

Его пальцы сместились к затылку, запутались в волосах. Аня сидела неподвижно, чувствуя, как трудно стало дышать.

Владислав смотрел на её рот.

— Я сейчас уйду, — сказал он.

Она не ожидала.

— Почему?

— Потому что завтра вы проведёте презентацию, ради которой работали два месяца.

— А если бы её не было?

Его ладонь на затылке сжалась.

— Я бы не ушёл.

Аня сглотнула.

— Тогда зачем приехали сегодня?

— Я уже три раза ответил.

Он наклонился, но не поцеловал. Прижался лбом к её виску, вдохнул запах волос и на секунду закрыл глаза.

Аня подняла руку и положила ладонь ему на затылок. Не удерживала, не просила остаться — только медленно провела пальцами по волосам у виска.

Под её рукой Владислав выдохнул. Напряжение в плечах едва заметно отпустило, словно это ему, а не ей, завтра предстояло войти в комнату к совету директоров.

— И чтобы вы точно знали: завтра я снова не остановлюсь.

Она почувствовала его губы возле уха.

— Владислав...

— В восемь, Анна.

Он отпустил её, взял пиджак и вышел.

Дверь закрылась тихо.

Аня осталась на краю кровати. На столе лежал закрытый ноутбук, возле тумбочки заряжался телефон, за окном горели чужие окна. Всё было готово к нормальной ночи перед важной презентацией.

Только уснуть после этого она уже не могла.

Глава 8. Ты не гостья

В семь пятьдесят восемь Аня вышла из лифта и сразу увидела Владислава.

Он стоял у окна в тёмном костюме и говорил по телефону. Сегодня волосы снова были зачёсаны назад, рубашка застёгнута до последней пуговицы, ремешок часов сидел безупречно ровно. Ни одного следа мужчины, который ночью прижимался лицом к её волосам и обещал не остановиться.

Аня тоже подготовилась. Тёмно-синее платье закрывало колени, мягкий жакет собирал фигуру, а закрытые туфли были на плоской подошве. Волосы она распустила и уже трижды пожалела об этом: чёлка не слушалась, пряди цеплялись за помаду, лицо казалось слишком открытым.

Владислав закончил разговор и посмотрел на неё.

Не на платье отдельно. Не на туфли, грудь или волосы. Медленно, сверху вниз и обратно, совершенно не скрывая, что именно делает.

В холле сидели люди. За стойкой работали те же женщины.

Она поправила край жакета.

Владислав подошёл, положил ладонь ей на талию и поцеловал.

Не в щёку и не в висок. В губы — коротко, уверенно, как будто у входа в гостиницу не было никого, кроме них.

— Доброе утро, — сказал он.

Аня услышала, как за стойкой перестали нажимать клавиши.

— Вы специально?

— Что?

— Здесь люди.

Владислав оглянулся. Женщины одновременно посмотрели в мониторы.

— Вижу.

— И?

— Доброе утро, Анна.

Он забрал у неё сумку с ноутбуком и повёл к выходу, оставив ладонь на спине. Аня могла отойти. Вместо этого пошла рядом, чувствуя каждый его палец через ткань жакета.

В машине ждали кофе и коробка с завтраком.

— Я ела, — сказала она.

— Что?

— Йогурт.

— Это не завтрак.

— Для меня — завтрак.

— Сегодня нет.

Он достал сэндвич и положил ей на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.